

Юлия Знаменская

16+

Выраж судьбы

Рассказы

Юлия Знаменская

Выраж судьбы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Знаменская Ю.

Вираз судьбы / Ю. Знаменская — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-03505-8

В этой книге собрано более шестидесяти моих рассказов и миниатюр, написанных за последние десять лет. У каждого рассказа свой стиль, настроение и своя философия. В одной книге вы найдёте и драму, и романтику, и иронию, и мистику, и даже фантастику. Непростые судьбы героев во многом отражают окружающую нас жизнь и иногда ее зазеркалье...

ISBN 978-5-532-03505-8

© Знаменская Ю., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Дворник Метелкин	5
Креветка	7
Иван Данилович	10
Выраж судьбы	11
В парке	13
Как Бог даст	15
Не судьба	18
Последний день	22
Обида	24
Сознательная жизнь	26
Пирожные	27
Гвоздь	28
Возвращаться некуда	29
Поздний звонок	30
Заработался	32
Седьмая голова	33
Лампа	34
Две Маши и одна Вера	35
Портрет Златокудрого	37
Встреча	39
Чертовщина какая-то	43
Плюс, минус или ноль?	49
Диван	52
Васька	55
Шкаф	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дворник Метелкин

Вместо снега с неба вновь сыпалась мелкая жесткая крупа. Сугробы напоминали барханы в пустыне, а коробки домов многоглазо тарасились на худосочного седенького дворника Метелкина. Обычно Василий Петрович торопливо подметал дорожки возле подъездов, усердно чистил детскую площадку от снега, чинил вечно поломанные качели или собирал мусор возле помойных контейнеров. Но сегодня картина не вписывалась в замысленный ежедневный сюжет: дворник лежал на лавочке без сознания, а врач скорой помощи тщетно пытался привести в чувство безжизненное старческое тело.

– Инфаркт. Причем, судя по всему, не первый, – бесцветным голосом констатировал доктор в синем спецватнике.

– В больницу? – спросила соседка из первого подъезда Ирина, которой всегда до всего есть дело и которая, собственно, вызвала скорую.

– Обычное дело. Валюш, приготовь там все, – игнорируя Ирину, обратился доктор к томной медсестре, изображая мимикой лица нечто сугубо профессиональное, понятное только ей, – А как, вы говорите, его фамилия? – вдруг снова вспомнив про Ирину, поинтересовался доктор.

Каждый его жест выдавал ужасающую истину: человек на лавочке умер.

– Метелкин, – не веря своим глазам, ушам и не понимая происходящего, деревянным голосом ответила Ирина, – Метелкин Василий Петрович.

– Сколько лет?

– Да за семьдесят примерно. Точно не могу сказать... Он один жил, родственников нет.

– Понятно. Спасибо, – доктор спрятал блокнот и ручку в объемный карман ватника и забыл об Ирине в ту же секунду.

Автолюбитель Фаровский очень расстроился, когда узнал, что хорошо оплаченный им дворник больше не будет присматривать за любимцем – серебристым лендровером с тонированными стеклами.

– Это пока они нового дворника оформят! – жаловался он жене, тщательно пережевывая капустный салат и успевая улавливать спортивные новости в телевизоре.

– Савелий, когда ты меня будешь слушать, а? Талдычу целый год, а ты упираешься! Нужен нормальный гараж! Хватит всяких бомжей нанимать, – кричала из ванной возмущенная супруга, размазывая зеленую водорослевую маску по лицу.

Фаровский придвинул поближе розетку с яблочным вареньем, дунул задумчиво на кружку с горячим чаем и невольно погрузился в воспоминания. Метелкин любил иногда душевно рассказать о тонкостях управления подводной лодкой, о торпедах, о разведчиках! Почему-то именно ему одному – Фаровскому – тщедушный дворник доверил свое военное прошлое, свои сомнения и надежды. А Фаровский полюбил слушать великолепного повествователя, коим неожиданно оказался блеклый старичок.

– Чего ж ты, Петрович, так далеко от моря-то подался? В Москве им даже не пахнет!

– От тоски, Савушка, от тоски... Нет у меня никого на белом свете. А здесь я ближе к мечте.

– Какой мечте? О чем же еще мечтать после героической бурной молодости? Тебе только позавидовать можно!

– Нет, не завидуй, Савушка, я несчастный.

«Все же странный он был какой-то, блаженный», – подумал Фаровский перед сном, лежа под теплым синтепоновым одеялом.

Утром все жители двора обнаружили перед подъездами непролазные сугробы и помянули недобрым словом ЖЭК за медленные поиски нового Метелкина. Автолюбителю Фаров-

скому пришлось самостоятельно чистить от снега промерзший обледеневший джип и заливать порцию незамерзайки в его железные недра.

А через неделю неожиданно позвонил нотариус и сообщил странную новость. По завещанию гражданина Метелкина Савелию Фаровскому полагается наследство: недвижимость в виде гаража и письмо в виде пухлого запечатанного конверта.

Удивленный и распаленный любопытством, Фаровский не поленился посетить нотариальную контору и получить запечатанный конверт в руки. Добравшись по пробкам до дома, он уселся за любимый письменный стол и вскрыл загадку канцелярскими ножницами. Первой попала в руки старинная выцветшая фотография. На ней – крепкий молодой офицер в парадной форме светится знакомой милой улыбочкой!

Еще более удивленный автолюбитель включил любимую настольную лампу и принялся потрошить конверт, выбеленный ярким светом.

Тетрадные листки бумаги, испещренные мелким нервным почерком, разлетелись по полировке стола как лебединные перья. Пришлось долго привыкать к закорючкам, прежде чем удалось сложить их в слова.

«Дорогой мой Савушка! Прости, что так и не решился, не отважился тебе признаться. Я несчастный, хотя как-то не замечал этого в молодости. Только старость расставила все в жизни по своим местам. Казалось, что есть важное и неважное, что неважное подождет...»

Письма Метелкина ему – Савелию – датированные разными годами?! Какое-то сумасшествие!

Савелий торопливо вчитывался, пытаясь уловить смысл. Нашел по датам последнее письмо.

«Сынок, прости... Чувствую, что скоро, уже скоро потеряю возможность видеться с тобой. Решился вот продать дом в Воркуте. Мыслию так, что старый он, да и далеко. Вряд ли будет тебе нужен. А вот гараж понадобится. Жаль, что так мало и так поздно... Будь счастлив, мой дорогой.»

Савелий застыл в немом исступлении. А дворник Метелкин нежно смотрел на него с выцветшей фотографии...

Креветка

Олег сидел в светлом коридоре на пластиковом стуле для пациентов и рассматривал красочные плакаты, в изобилии развешенные по гладким бледным стенам. Один из плакатов привлек внимание, поразив оригинальностью идеи! Медицинский центр «Планирование семьи» предлагал новую услугу – спермограмму с видео-приложением. К официальному медицинскому заключению прилагалась видео-запись исследования. Микроскопические хвостатые головастики останутся на память клиенту как еще один атрибут мужской гордости. Это было нечто новенькое!

У кабинета врача Лагутина в медицинском центре «Планирование семьи» Олег ждал жену Наташу регулярно. В течение двух с половиной лет. На фоне пяти лет совместной жизни это превратилось в тихую семейную традицию, которая должна выполняться безапелляционно и безоговорочно.

«Сейчас она выйдет из залятого кабинета номер четыре, чтобы торжественно объявить, созрел доминантный фолликул в ее яичнике или не созрел! А потом она, как всегда, будет смотреть глазами больной немощной лошади, умоляя реагировать на сие событие по инструкции от доктора: если созрел фолликул, то срочно бежим домой оплодотворяться; если не созрел, то завтра я должен буду снова все бросить и везти ее сюда, потратив весь рабочий день».

Олег терпеть не мог ждать Наташу где бы то ни было: у магазина, у дверей общественного туалета, у салона красоты, у ларька с мороженым. Каждый раз, когда она заставляла себя ждать, Олег наливался ядом ненависти. Через некоторое время яд выплескивался наружу, разъедая и без того хрупкий фундамент отношений. После Наташиных визитов к доктору в кабинет номер четыре Олег не нервничал. Он напивался. Тихо, незаметно, в полном одиночестве, с нарастающим желанием послать все к чертям. Сбежать на Луну, в Ленинград, куда угодно. В крайнем случае развестись.

В коридоре появился плотный мужчина лет сорока пяти. В дорогом пальто и с увесистой сумкой на плече. Он начал прогуливаться от одного конца до другого, нервно шмыгая носом и покручивая пышные усы. Взгляд его блуждал по стенам, останавливаясь на тех же рекламных плакатах.

Изрядно утомившись, незнакомец присел напротив Олега.

Некоторое время Олег рассматривал холеные фирменные ботинки конкурента по чтению плакатов, продолжая безмолвно горевать о загубленной жизни. Мужчина ерзал и неуклюже прятался за маской безразличия.

В этот раз жены не было дольше обычного. Олег привычным движением протянул руку к кофейному автомату, который располагался в углу, как раз между сидением и кабинетом номер четыре. Железный тугодум проглотил монетку, налил в одноразовый стаканчик положенную дозу горячей жижи, недовольно фыркнул и снова затих.

– Позвольте вас спросить, – неожиданно вежливо произнес усатый.

– Да?

– У вас есть дети?

– Хм. Нет, а что? – лицо Олега исказила болезненная улыбка. О чем мог еще спросить человек человека в медицинском центре «Планирование семьи»!

– У нас тоже не получается. Что мы только не пробовали.

Олег наблюдал, как усатый неумело пытался справиться с автоматом для кофе. Возникла мысль воспользоваться хорошей возможностью высказаться.

– А зачем? – с нахальством в голосе спросил Олег.

– Что зачем? Не понял.

– Зачем дети, можете объяснить?

– Ну как же... А будущее? А смысл жизни? Все же в них заключается – в наших детях! Разве не так?

– Не так. Я вот думаю, уважаемый, что это просто отмазка неудачников, коими мы в большинстве своем являемся. Сколько детей мучается от непосильного груза амбиций своих любящих родителей, вы не задумывались?

– Да о чем вы говорите? – усатый искренне поразился ходом мыслей начинающего алко-голика в джинсах.

– Ну как же? Вот родится у Вас, даст Бог, сын. Вы начнете мечтать, как хорошо было бы ему быть адвокатом, потому что вам это не удалось. И начнете ему с пеленок долбить мозг как дятел – поступай в юридический, будь человеком, стань адвокатом. А он, может, клоуном хочет стать! Так вы ж любящий папаша, поэтому начнете вразумлять глупое дитя. Так и отравите жизнь человеку!

– Дело в том, молодой человек, что у меня уже есть сын. Ему 20 лет. И учится он на юридическом, вы как раз угадали, – усатый растерянно смотрел в стаканчик с кофе, – Он родился случайно. Я не любил его мать и не собирался связывать с ней жизнь. Но она родила. А я женился на другой, считая, что любовь оправдывает предательство.

– Ну какое же это предательство? Она тебя поймать хотела, а ты не дался. Молодец! Скажешь тоже, предательство. Да так бы любой сделал!

– Да. Наверное, – голос усатого задрожал, – но поверь, невозможно найти смысл ни в чем, когда ты понимаешь, что родное существо, беззащитный человечек остался без тебя в джунглях жизни. Ты чувствуешь себя предателем перед ним. И если ты это не понимаешь в нужный момент, то ты обречен на мучительное осознание потом – когда уже поздно.

– Ладно. Не грусти. Все же уже в прошлом. Я только не понял, а еще дети зачем тебе тогда?!

– Чтобы дать им все то, что я не дал ему.

Олег пытался переварить своеобразную логику этого несчастного, запутавшего себя в собственных умозаключениях.

«Почему люди стремятся продолжиться в детях? Что за извращенное стремление к бессмертию? Природа так задумала, что мы все хотим детей. Каждый в свое время. Но ответить на вопрос «Зачем мне ребенок?» мало кто способен. Просто потому, что открыть самому себе правду невозможно. Она груба и неприятна. Она так же режет мозг, как и мысль, что смерть обязательно придет», – думал Олег все эти годы.

– Наверное, я еще не созрел до понимания таких сложностей. А ты в самом соку, молодец! Удачи.

Распахнулась дверь кабинета номер пять. Жена усатого выпорхнула из него как птичка из клетки и интимно зещебетала на ушко мужу о радостных новостях. Они удалялись, оставляя шлейф надежды будущим пациентам этого заведения.

Олег постарался побыстрее забыть о минутном разговоре с классическим неудачником в дорогом пальто.

Из кабинета номер четыре вынырнула медсестра в розовой медицинской форме на манер западных сериалов про скорую помощь.

– Вы муж? Пройдите.

Такого еще не было ни разу. Олег ожидал чего-то страшного и непоправимого. Зайдя в кабинет, он впервые увидел загадочного доктора Лагутина и невольно улыбнулся. Тот оказался смешным толстым человечком в очках, до боли в зубах похожий на Пилюлькина из сказки про Незнайку.

– Пора нам познакомиться, Олег Анатольевич. Теперь будем Вашу супругу наблюдать чаще.

«Как! Еще чаще?!» – подумал Олег, приветливо пожимая пухлую руку доктору.

– Да? А мы думали наоборот. Перерыв сделать, в отпуск махнуть, расслабиться.

– Не рекомендую. Пойдемте.

Лагутин прошмыгнул за ширму, которая все это время отделяла большую часть кабинета от входной двери. Олег просунулся за ним и увидел Наташу. Она лежала на кушетке накрытая ниже груди хрустящей стерильной простыней.

– Посмотрите на это, – доктор сел за большой компьютер и невозмутимо запустил руку под простыню. На мониторе появились темные разводы, все зашевелилось, – Вот ваш эмбриончик!

Олег скептически уставился в экран. Единственное, что ему удалось разглядеть, было темное пятнышко, внутри которого сгибалась и разгибалась светлая креветка.

– Это что?!

– Это ваш ребенок.

Наташа лежала и вся светилась, как солнце, лучами счастья. Слезы катились по щекам. Она повернулась к мужу и прошептала: «На тебя похож».

Олег сглотнул и закашлялся. Еще раз глянул на монитор, высмотрел креветку.

И вдруг в этот странный момент в этом залятом кабинете номер четыре у Олега почему-то невыносимо заньло сердце. И безумно захотелось ради этого крючочка вывернуть себе душу наизнанку, отдать ему все на свете! Отдать всю свою жизнь.

Иван Данилович

В одном маленьком уютном городе живет старый учитель математики. Зовут его Иван Данилович. И насколько он стар, не знает никто.

Каждый день в любую погоду Иван Данилович ходит на работу по одной и той же дороге в маленькую уютную школу. И все прохожие желают ему доброго утра, потому что почти каждый житель города знает осанистого седовласого человека в старомодном пальто с потертым портфелем в руках!

Доброе утро, коллеги! – начинает Иван Данилович свой урок, – Какой сегодня прекрасный день! Не правда ли? А может быть кто-то знает, при каких условиях день можно считать прекрасным?

Сонные ученики начинают просыпаться. Вяло поднимаются несколько рук.

– Если светит солнце, то можно считать день прекрасным, – с ухмылочкой констатирует тощий долговязый «коллега» в теплом свитере.

– Хорошо, пожалуй, я с вами соглашусь. А это необходимое условие или достаточное? – старый учитель ухватился за попытку человека думать, клещами вцепился в идею, которая вроде бы ничего не значит, и выжимает из нее по капле озарение!

На уроках Иван Данилович полновластный маг и чародей. Он умеет проникнуть в самую суть понятия, вывернуть наизнанку, разрезать на кусочки и выстроить из них пирамиду на глазах у изумленной публики. Он умеет дарить ученику озарение!

Иван Данилович подходит к доске, берет мел, как скрипач смычок, уверенно и трепетно. Неожиданным росчерком рисует непонятную кривульку и молчит. Всматривается в лица. Выжидает. Изумленная публика изо всех сил всматривается в «шедевр».

– Может ли это быть графиком некоторой функции? – произносит учитель таинственным тоном медиума на спиритическом сеансе.

Пауза.

Великие паузы, во время которых есть возможность думать! Не просто запоминать готовую информацию, позевывая и поглядывая тоскливо в окно, а забыв обо всем на свете, отключаться от реальности, витать в потусторонних пространствах, плоскостях, множествах, видеть блеск геометрических лучей, ощущать выпуклости многогранников...

В глазах учеников уже сверкают бриллианты собственных мыслей, попыток догадаться, нащупать ответ. Иван Данилович с истинным удовольствием собирает драгоценную добычу, раскладывает бережно на столе и радуется, как профессиональный ювелир! Каждую гипотезу он взвешивает, проверяет на каратность и «чистоту воды». Выбирает придирчиво из коллекции идеальный экземпляр.

– Коллеги, я вас поздравляю! Вы нашли ответ. Действительно, если внимательно примерить определение функции к нарисованному убожеству, становится очевидно, что не может. А «очевидно», как вы знаете, это не то, что «очам видно», а то, что легко можно доказать! – довольный и оживленный Иван данилович мечется между дверью и портретом Софьи Ковалевской, слегка подпрыгивая на поворотах, – Доказывать будем методом «от противного». То есть, от меня!

Любите ли вы математику, как люблю ее я? А я ее люблю во многом благодаря ему – старому учителю из одного маленького уютного города, из одной маленькой уютной школы. Мой университет начался с него – с Ивана Даниловича. Мне уже тридцать три, а я мечтаю хоть минутку посидеть за партой на уроке у гения.

Вот и сегодня он идет в школу по той же дороге. И все прохожие желают ему доброго утра, потому что почти каждый житель города знает осанистого седовласого человека в старомодном пальто с потертым портфелем в руках!

Выраж судьбы

Она идет по проспекту. Одна. Летящей походкой. Туфли на шпильках мелькают над асфальтом. Тонкая водолазка приятно обтягивает лебединую шею. Распахнутое белое пальто режет скромную обыденность острым лезвием модного покроя. Походка, сумочка, бриллианты. Она ослепляет.

Она восхищается. Она!

Серое небо стыдливо прячет огненный желтый глаз в тяжелые занавески туч. Оно не вписывается в образ и чувствует это. Но Ей безразлично. Она решилась! Она движется к трудной цели. Сегодня. Сейчас!

Ровно пол года назад пришло первое письмо. Он был вежлив. Обращался не к ней. Но казалось, что он попал прямо в душу.

«Привет, прекрасная незнакомка!

Я не знаю тебя. Но чувствую, что подружусь. Мне сейчас очень больно. Хочу рассказать свою боль хоть кому-то живому».

Электронное признание казалось до безумия откровенным. Зачем ему надо так открываться мне – первой встречной?! Она думала о странном письме целый день, ночью не могла заснуть. На утро она заболела ответом Ему! Добралась до работы, бросилась к клавишам.

Дни пролетали на одном дыхании. Незнакомец становился все ближе. Дружба превращалась в роман. Как трогательно и нежно, оказывается, можно дружить! Не видя друг друга. Не слыша. Не прикасаясь!

«Привет, мистер Икс!

Как же ты решился написать свою боль посторонней персоне? Я бы никогда так не смогла. Твои чувства меня зацепили. Захотелось с тобой поговорить. Мало кто из обычных людей страдает, что живет бессмысленно. Ты необычный. Ты странный. И загадочный. Женщины падки на загадочных мужчин. Я не исключение, как видишь. Мы все живем в рамках. Законы, социум, товарно-денежная форма жизни определяет судьбы. Моя жизнь меня тоже во многом не устраивает, ну и что?! Я замужем уже десять лет. И конечно многое в наших отношениях побледнело. Мы живем как родственники. Ничего нет ужасного в твоей ситуации. Ты не любишь жену. Но кто знает, что такое любовь?! Ученые доказали, что в мозге выделяется коктейль гормонов, человек впадает в эйфорию, близкую к наркоманскому кайфу, и это называют любовью. Химия! И только».

Она нырнула с головой в океан Его жизни, сомнений, раздумий. В реальности редко удается приблизиться к кому-то настолько. С Антоном некогда даже поговорить. Он все время на работе. Постоянно занят делами. Добывает ей счастье. Мужу не до нее.

Сегодня Она увидит Его! Своего наперстника и друга! Сердце холодеет, проваливается в желудок от мысли, что несколько плоских фотографий превратятся сейчас в объемного живого человека. Близкого. Важного. Знакомого до боли незнакомца! Сейчас. Через сорок минут вечности ее ждет восхитительное мгновение безумия.

Она оставила машину, идет по узкому тротуару, нырнула в переход. Так быстрее.

«Привет, милая Зайчонка!

Спасибо тебе. Не могу точно выразить, за что. Я глубоко тебе благодарен. Еще неделю назад мне хотелось умереть. А сегодня я отчаянно цепляюсь за жизнь. Наркоманский кайф. Наверное. Когда-то это со мной было. Но вот иссякли гормоны, я трезв как стеклышко. И жизнь потеряла смысл. Я робот в системе. И все мы роботы. Тебе от этого не мерзко? Жена думает, что я много работаю. Но я прячусь. От нее, от себя, от всех. Я не могу собрать себя в единое целое существо. Меня раздрают страхи. Я боюсь смерти, и жизни. Я хотел добыть счастье

для нас с женой. А на самом деле стал тупым мусорщиком, постоянно разгребаю помойку проблем.»

Строчки из его писем пронизывают сознание. Вихри реплик. Признаний. Прикосновенный. Словами можно было гладить, щекотать, пощипывать, а потом хохотать, прижавшись друг к другу.

Мысленно. Виртуально. Но так ощутимо!

Она писала длинные письма. Про себя. Как влюблялась, разочаровывалась, мечтала. Про Антона. Как он когда-то поразил талантом, умом, уверенностью, страстью к жизни. А как красиво сделал предложение! Но с годами образовалась глухая стена. Не пробиться. Да и не хочется уже.

«Зайчонок, привет!

Ты не поверишь, но я плакал, когда читал твое последнее письмо. Девочка моя нежная. Как я счастлив, что ты есть! Нам нельзя пока встречаться. Давай немного еще побудем здесь. Иначе рискуем повредить тонкую грань доверия. Хотя так безумно хочется».

Она протискивается по левой стороне вялой гусеницы-эскалатора! Сквозь толпу, шум, сквозь прошлое! Улыбнулась. Вспомнила, как рассказала Ему про первый поцелуй с одноклассником. Он тогда искренне смеялся. Она не слышала. Она чувствовала его смешинки на губах. И до боли стискивало желание броситься к нему сейчас – прямо среди ночи взять такси и ехать, очертя голову, в другую жизнь, другую судьбу! К Нему! Навсегда!

Она примчалась. Свежая, взволнованная, распаленная ожиданием, с прохладными губами, светящимся лицом. В озерах-глазах надежда на счастье.

Последнее препятствие – стекло дверей! Ее ждут. Да, мужчина за столиком. Да, у аквариума. Да, вон там.

Он здесь. Он ее ждет!

Выпорхнула из пальто, сбросив его с себя как последний груз сомнений. Аромат любимых духов, как последний вдох кислорода, стук молотков в груди, как последний трепет жизни, сумочка в руках, как спасательный круг, который все равно не спасет.

Прыжок в пропасть.

Он сидит спиной. Невыносимо близкий и странно чужой. Профиль усталого лица. Анфас. Корпус.

Что-то знакомое в повороте...

«Антон?! Ты как здесь? А я...»

Вспышка отрезвляющей реальности! Обман зрения?

Выраж судьбы.

В парке

Каждый день я бываю в старом городском парке. Иду по извилистой тропинке, погружаясь в царство шелеста и шорохов. В гуще столетних великанов прячется сокровище – большой звенящий фонтан. Он еще скрыт толстыми стволами старых тополей и пушистыми шапками кленов, а я уже улыбаюсь ему, как давнему другу.

С замиранием сердца приближаюсь, с нетерпением вглядываюсь в изящные очертания мраморного фокусника, покорившего водяную стихию и выдрессировавшего ее, как собачку. Торжественное волшебство шипящего бурления, обрамленного в камень, покрытого в некоторых местах зеленым мхом, завораживает, захватывает в искрящийся плен. В душе таится надежда, что стремительные струи воды, неустанно разбиваясь и снова вырастая из недр сокровищницы, угадают мои сомнения, нашепчут ласковые слова, вселяющие надежду. Они-то знают, что такое взлететь, а потом разбиться вдребезги. Они понимают, что, сорвавшись в пропасть, трудно найти в себе уверенность и силы для нового полета вверх.

Бреду сквозь манящую зелень, улыбаюсь бродяге-ветру. Это тоже мой старый друг. Осенью настроение у него портится, накрывает депрессия, как и меня. Мы часто спорим, философствуем о вечности. Он говорит, что свобода важнее истины. А я убеждаю его, что он не прав. Ведь истина вечна, а свобода нет: ее легко потерять. А ветер снисходительно ерошит мне волосы в ответ, приятно обволакивает лицо и смеется:

– Что ты можешь вообще знать о свободе?

Конечно ничего, он прав. Зато о вечности я теперь знаю все...

– Привет, ветерок дорогой.

Возле фонтана в тени ароматной липы скромно ютится пожилая мадмуазель – деревянная скамейка с кованой ажурной спинкой. Она не терпит назойливых голубей и обожает дождь. Потому что в дождь ее никто не беспокоит. Она привыкла к одиночеству. Как и я.

– Доброго дня, милая леди! Позвольте предложить мое общество на сегодня? – говорю я.

Перемещаюсь на скамейку, с наслаждением обнаруживая, что она нагрета рассеянными лучами солнца. С удовольствием делаю старой знакомой мысленный комплимент и впитываю ее тепло.

Скамейка в ответ скрипит облупленными ребрами.

– И я очень рада, и вам здоровья.

Любуюсь фонтаном, привычно восхищаюсь чудным танцем его бриллиантовых россыпей. Странно: "Здесь" все так же, как и "Там". Только никуда не надо торопиться. Можно позволить себе быть сейчас, а не потом, именно потому, что тебя нет. Вечность прекрасна и спокойна, она гораздо терпимее к нам, чем мы к ней. Жаль, что это понимаешь, когда уже не важно, понимаешь или нет!

Скамейка подслушивает мои мысли. Я знаю, она молчит из деликатности, чтобы не нарушать тонкого равновесия давней дружбы. Она понимает, почему я торчу здесь каждый день. Другие на моем месте уже давно бы созерцательно мерцали бестелесным умиротворением. А я все никак не оторвусь от себя, все рефлексирую...

Есть ли моя вина в том, что я Здесь? И кто вообще может быть виноват?! Грузовик, вылетевший на встречную полосу и злодейка-судьба? А может снегопад и гололед? Какая разница теперь?! Я Здесь. А они Там. Мои родные солнышки: жена и дочка.

Закон «границы» между «Здесь» и «Там» не имеет поправок. Поэтому я каждый день жду их в парке у фонтана, чтобы быть рядом, даже когда не могу «быть».

Мгновения уютного ожидания взрываются счастьем. Я вижу моих родных девчонок...

Они неторопливо гуляют по дорожке, усыпанной сосновыми иглами. Аня поправляет дочке платье и целует в пухлую щечку. Ксюшка облюбовала скамейку с ажурной спинкой и зовет

голубей: "Цып, цып, цып!" Голуби не обращают внимания на детскую фамильярность, самонимение отступает на второй план, когда неожиданно наклевывается бесплатный завтрак. Ксюша отщипывает теплый мякиш от батона и швыряет в гущу птиц. Я люблюсь ей, не в силах вдохнуть. Последнюю порцию угощения утащил юркий воробей. Ксюшка смеется над его трусливым маневром, достает маленький кошелек с монетками и несется к фонтану. Тот гостеприимно хлещет юными брызгами в небо, приветствуя малышку. Ксюша бросает заветные кругляши один за одним в глубины блестящих иллюзий. Это ее подарок мечте, неосознанной детской надежде, что мир чудесен, наполнен счастьем и с упоением показывает фокусы, ожидая восторженных рукоплесканий.

Я уже рядом. Могу гладить их, обнимать, кричать беззвучно, что я их люблю... Нет, со мной что-то не так. Я не должен ничего этого чувствовать. Я как будто размазан по бронированному стеклу, которое без предупреждения выросло прямо перед носом и отделило меня от самого себя. И почему эта граница так издевательски прозрачна и садистски неосязема?!

Ксюша протягивает ко мне руки, как будто хочет обнять, пробегает по моей щеке пальчиками и спрашивает:

– Ты здесь?

– Нет, солнышко, меня нет... – улыбаюсь я Ксюшке.

– Ты здесь! Сейчас я тебя найду! – дочурка заглядывает под скамейку, потом исследует каждое дерево сверху до низу, обходя его вокруг.

Аня молчит, стараясь дышать глубже и не плакать. Я провожу рукой по волосам любимой, вдыхаю легкий нежный аромат. Шепчу на ушко, как раньше: «Ты моя любовь». Она оборачивается и шепчет, как раньше: «Я знаю». Я так мало успел подарить им любви. Моим солнышкам, Анютке и Ксюшке.

Притих бродяга-ветер, погрузился в задумчивость фокусник-фонтан, поникли в сочувствии великаны-деревья, деликатно отвернулась мадмуазель-скамейка.

Как Бог даст

Инна забыла, что там за окнами. Время суток, дату, время года. Она лежала на продавленной кровати в углу палаты. Ее соседка деликатно молчала, с трудом сдерживая поток слов, накопившийся за время отсутствия Инны. Очередь на УЗИ в отделении патологии роддома собиралась обычно еще с утра и тянулась до обеда. Инна пришла после УЗИ и рухнула на постель, не обратив внимания на остывший борщ и котлеты, заботливо поставленные соседкой на ее тумбочку. Уже месяц Инна сохраняла свою долгожданную беременность. Угроза выкидыша постоянно висела дамокловым мечом над каждым часом нелепого существования. Круглосуточно бродить в казенной ночной рубашке, халате и тапочках по бетонной коробке и ждать участи оказалось вовсе не тем светлым праздником и счастьем, которого ждала Инна еще пару месяцев назад.

Она вышла замуж в двадцать. Слишком рано – твердили все вокруг. Но кто же слушает всех, когда на свете существует только он – единственный и драгоценный! Однокурсник Боря был не по годам самостоятельным, параллельно учебе работал в иностранной компании и проявлял интерес к карьерному росту. Молодая семья смогла себе позволить свадьбу в ресторане, путешествие на родину Эгейской цивилизации и даже съемную однушку в паре остановок метро от университета.

Под крики "Горько!" молодым желали много детей и много денег. Но с детьми возникли сложности. Несколько лет не было их и все тут. Врачи разводили руками – причин по части здоровья не обнаруживалось. Борька предложил съездить в Киев в Лавру к святым мощам. Инна часто вспоминала потом, как жарко молилась маленькому Вифлеемскому младенцу Иоанну в узеньком пространстве пещеры, как потом случайный священник, продававший свечи в церковной лавке, вышел и благословил ее, и обещал непременно сына. Все было как сон. Но в то же время это была более явь, чем обычная реальность.

– Инн, ты борща-то поела бы, а? – решила нарушить молчание соседка Оля.

– Потом, – не желая обижать добрую соседку, промычала Инна. Сил повернуться, рассказать, поделиться она в себе не находила.

Провалившись в сон, Инна увидела яркий свет, бьющий из окна их с Борькой однушки. На руках у нее сидел белокурый годовалый малыш и улыбался, показывая пальчиком в небо. Они были вдвоем и были абсолютно счастливы.

В палату стремительно ворвалась строгоя предпенсионная дама и уткнулась очками в бумажку с фамилиями.

– Кто тут у меня Коваленко?

– Она, – кивнув на соседку, тихо ответила Оля, быстро дожевывая бутерброд с селедкой и срочно запивая его апельсиновым соком.

– Скажи ей, чтоб зашла в ординаторскую. Надо решать вопрос. Ее там комиссия ждет.

Дама вышла с чувством выполненного долга, обдав вакуум палаты пряным потоком цветочного аромата, до тошноты сладкого и невероятно устойчивого.

Оля с трудом слезла с кровати, закутав большой живот с двойней в мягкий домашний халат. Она тихонько погладила Инну по плечу и сказала:

– Иннусь, да пошли они все. Ты главное верь! Я вот знаешь сколько лет не могла... Мы с мужем пять ЭКО делали и все впустую. И ведь все равно ж верили. Смотри, вот они, мои родненькие.

Оля спохватившись, суеверно поплевала три раза через левое плечо, постучала по пластиковому подоконнику и аккуратно сложила руки на живот, прислушиваясь к ощущениям.

Комиссия собралась в ординаторской. Главный врач, узист и лечащий врач Инны решали вопрос о дальнейшем пребывании пациентки в стационаре.

– Конечно, она платит за свое пребывание немалые деньги, но все же держать ее просто так, без всякой надежды на благополучный результат опасно для средней ежеквартальной вынашиваемости патологической беременности в отделении, – главный врач, стройная высоколобая брюнетка южных кровей Мариэтта Владимировна, строчила на листе с крупным черным заголовком "Заключение" одно длинное слово за другим, объясняя коллегам ситуацию.

Инна вошла и молча присела на краешек ожидавшего ее стула. В голове пронеслась мысль – вот он, Страшный суд, список грехов и приговор на вечные мытарства.

– Инна Викторовна, мы тут посоветовались с коллегами, – Мариэтта многозначительно глянула на Светлану Павловну – лечащего врача Инны, простоватую полную блондинку с задорным пионерским хвостиком на затылке, стянутым вычурно-розовой резинкой. Та перехватила инициативу...

– Да. Инна, мы посмотрели твои анализы, еще раз посмотрели все УЗИ, и решили, что дальше смысла нет... Понимаешь? – Светлана, почти ровесница Инны, подошла и сочувствующим жестом погладила свою подопечную по холодной влажной руке, – Ничего не меняется, к сожалению. Отслойка плаценты все равно есть и она не уменьшается.

– А сердцебиение? – устало спросила ее Инна.

– Сердцебиение хорошее, Инночка, хорошее! – с радостью зацепившись за единственный хороший показатель в море удручающих, улыбнулась Светлана.

– Челеби Гасанович, сообщите нам ваши соображения? – намекая на завершение беседы, сказала Мариэтта Владимировна, умоляюще посмотрев на широкоплечего спортивного узиста с теми же южными нюансами в чертах лица.

– Шансы есть, – глухо процедил узист, уставившись в окно отсутствующим скучающим взглядом. Ему хотелось скорее дойти до своего кабинета и отпустить полсотни томящихся там пациенток. Половина из них пришли со стороны по записи за хорошие деньги.

– Итак, Инна Викторовна, – довольно жестко подвела черту Мариэтта, поправив для уверенности сложную прическу, сооруженную неизвестно когда и неизвестно кем, учитывая, что рабочий день начался в семь утра, – Мы сделали все зависящее от нас, мы прекратили кровотечение и снизили риск. Дальше вам нет смысла продолжать лечение в стационаре. Мы настоятельно предлагаем вам перейти на амбулаторный вариант сохранения вашей беременности.

Инна мысленно пыталась переводить речь Мариэтты на нормальный человеческий язык.

– Вы меня выписываете?

– Не совсем так, – с легким раздражением пояснила главная, – мы вам рекомендуем уйти под подписку.

– Подписку? Не понимаю...

– Мы не имеем права выписать вас с такими анализами и такими результатами УЗИ, деточка, – чуть повысив тон, и чуть больше раздражившись, нервно поглядывая на золотые наручные часики, сказала Мариэтта.

– Тогда, значит, я остаюсь? – прорываясь сквозь туман своего горя и проникая в смысл слов, не могла понять ничего Инна. Она чувствовала себя отупевшей и больной собакой, которой все время колот морфий, а потом не позволяют спать.

– Инна, тебе лучше побыть дома, понимаешь? Попьешь дюфастончику, ношпочки, родные стены, понимаешь? Авось, все обойдется. Ну чего тебе тут торчать столько? Тебе нужен покой, привычная обстановка, муж родной под боком. Напишешь нам расписку, что уходишь по собственному желанию под свою ответственность и все. Это просто формальность... – Светлана гладила ее по плечам, присев перед ней на корточки и ласково уговаривала, успокаивала, усыпляла надеждами. Инне показалось, что та вполне искренне желает ей чего-то хорошего, чего, к сожалению, не приходится ждать.

Инна, наконец, поняла, чего от нее хотят. Было уже все равно. Анестезия, купирующая душевную боль, а вместе с ней и любые иллюзии, и черные и белые, помогала ей держаться в

рамках объективной реальности и не сходить с ума. Она спокойно подошла к столу и написала под диктовку Мариэтты все, что надо. Легким росчерком поставила автограф и ушла собирать вещи.

– Бедная девочка, – прошептала ей вслед Светлана.

– Выкинет и думать забудет, – констатировала Мариэтта, подкалывая расписку к карте.

– Ну, я пошел, – расслабив лицо, словно артист после спектакля, сообщил узист, уверенно двигаясь к выходу.

Оля спрыгнула с кровати от удивления, забыв про свою двойню.

– Выписывают? Они сбрендили что ли? Может, ты их не так поняла?

– Нет. Все верно, выписывают. Сказали, надо в родных стенах с мужем и все такое...

– Я бы не ушла, на твоём месте. Мало ли, что они там советуют. Это твоя беременность, твой ребенок, твоя жизнь! Поняла? – Оля была вне себя от негодования. Она нервно чистила очередной мандарин.

– Я устала, Оль. Домой хочу, – безжизненным голосом сказала Инна и улыбнулась, глядя на горку чищенных мандаринов, выросшую за несколько минут на Ольгиной тумбочке.

– Смотри, подруга. Эти твои интеллигентские нюансы им до одного места. Имей в виду. Если стукнешь по столу кулаком, никуда не рыпнутся. Будут сохранять, как миленькие. Мариэтта эта свое одно место твоими выписками прикрывает, вот и все.

– Мне все равно, Оль. Я просто не могу больше. Пусть будет, как Бог даст.

Инна достала из ящика тумбочки маленькую икону Божией Матери "Помощница в родах", поцеловала ее уголок и перекрестилась.

– Знаешь, бывают моменты, когда никто не поможет, кроме Него, – проникновенно и задумчиво сказала Инна, прижимая к себе икону и светлея лицом. Ей как будто открылась истина, на нее откуда-то снизошла уверенность.

Оля подошла к сидящей на кровати Инне, обняла и заплакала. А Инна прислушивалась к ее животу. И слезы ее впитывались в мягкий домашний Олин халатик.

– Кто за тобой приедет? Борька твой? – спросила Оля, проверяя Инкину тумбочку, чтобы ничего не забыла, – Так, еще раз: телефон я тебе свой дала, ты мне свой тоже, пиши, звони, не забывай, поняла?

– Поняла.

Последний раз взглянув на кровать, на тумбочку, на окно, в которое ни разу не захотелось посмотреть за целый месяц жизни, помахав Оле ладошкой, Инна вышла и спустилась на лифте в холл. Там ее уже ждал... Почему-то вовсе не Борька, а его старший брат Денис. Он путанно объяснил что-то про непредвиденную командировку и отвез ее к родителям.

А еще через месяц Инна узнала, что никакой командировки нет. Просто Борька ее бросил...

Не судьба

Холодный дождь старательно омывал глухой столичный двор. Слегка присыпала перекошенные в вечной судороге качели мелкая ледяная пудра – заунывная предвестница снега. Возле мусорных баков возились бомжи. Согбенная старушка в зеленом пальтишке с детского плеча и чрезмерно худая тетка в тяжелых мужских ботинках, подвязанных веревками. Тетка куталась в плащ, измазанный на спине ядовито-оранжевой краской, как будто забор, размалеванный граффити на тему "город в огне". Плащ продувался ноябрьским ветром насквозь и способен был защитить разве что соломенное чучело в огороде..

Территория мусорной охоты была четко обозначена заранее, любое нарушение невидимых границ грозило схваткой. Безжалостной и часто кровавой. Взаимопонимание между бомжами держалось лишь на прямом подчинении одного другому, как в стае волков. Тетка в плаще с первого взгляда производила впечатление жесткого лидера с садистскими наклонностями. Бабулька в пальто – убогого морщинистого ребенка с отклонениями в психике.

Окружающие дома смотрели на бездомных женщин холеными окнами, зашторивая их поскорее, боясь впустить в свой внутренний уют чужую безысходность. В мир яблочных пирогов, вымытых шампунем кошек, плоских телевизоров и раздутых от еды холодильников не вписывались чьи-то голодные желудки или грязные обмороженные пальцы.

Бездомные женщины, казалось, не замечали струек дождя, ползших змеями по их морщинистым лбам и пожелтевшим щекам. Они, словно акулы мусорного моря, выплеснувшего часть своих недр на асфальт, хищно хватали любую мало-мальски пригодную добычу – пакеты с остатками кефира, консервные банки с размазанным по доньшку жирком, плесневелые шматки хлеба, просроченные упаковки йогурта. Запасы тут же отправлялись в "закрома" – объемные пластиковые сумки. Особенно ценной добычей были пригодные в хозяйстве предметы. Сковородки, чайники, кастрюльки, тазики, тумбочки, табуретки. Причем, с увечьями любой тяжести – без ручек, крышек, носиков, пригоревшие, почерневшие, помятые, поломанные – какие угодно, лишь бы еще можно было ими воспользоваться. Однажды неслыханно повезло – попалась почти новая газовая плита. Теперь подруги сервировали ее к ужину не хуже ресторанного столика, накрыв толстой фанерой и разорванным пакетом вместо скатерти.

Покрутив в руках фирменный утюг с оторванной ручкой регулирования пара, тетка в плаще задумалась, представляя живую картинку: жена кинула в неверного мужа этого "красавца", муж увернулся, и утюг, слегка боднув стену, улетел в батарею. Ручка громко шмякнулась в угол, а травмированный утюг замер в коме на полу, как живое воплощение абсурдности брачных уз. Женщина любовалась симметричным рисунком паровых дырочек на гладкой керамической поверхности утюга... Ведь совсем недавно, может вчера еще вечером, эта гладкость прикасалась к чистым рубашкам, шерстяным брюкам, шелковым пижамам и байковым пеленкам, наполненным запахом теплого молока.

Тетка в плаще старалась представить себе тонкий аромат глаженого белья. В памяти рождались обрывки прошлого, мелькали смутные серые тени ее умершего в тюрьме супруга и полоумной матери, отписавшей за бутылку водки единственную крышу над головой бритым ублюдкам "из собеса". И еще сына, которого забили сапогами и бросили подыхать на морозе его же армейские товарищи. Он был должен им какие-то "айфоны". Она не смогла найти, она не смогла прислать своему Ваньке эти чумные "фоны". У них в деревне никто не знал, где их продавали и сколько они стоили. На всякий случай, послала деньги, отложенные на новый диван, все семь тысяч. И благословила служить хорошо, как дед и двоюродный дядька.

По обмотанной шарфом и накрытой полиэтиленом голове все ползли и ползли прозрачные слезы осени, а с ними заодно ползли в голове строчки последнего письма от Ванечки: "Мамань, привет! Ты не волнуйся, служу как надо. Если сможешь, пришли айфон. Телефон

такой. Вообще-то надо три. Но хотя бы один. Ооочень надо, мам, очень. Побывок не обещают, командир сволочь, но его уважают. Пока. Твой сын Иван."

Отмахнувшись утюгом-инвалидом от кошмарных видений, она швырнула его обратно в ржавый бак и прикрикнула на подружку:

– Ну все, Галь, ха-рэ шмонать тут, отваливаем!

Галя никак не отреагировала на просьбу коллеги.

– Гааааль! Я кому, блин, сказала! Пшли, – еще громче крикнула на старуху тетка и для пущей доходчивости швырнула в нее гнилой картофелиной.

Скрюченная до состояния подковы Галя на самом деле вовсе не была Галей. Более того – она вообще не слышала в окружающем мире ни единого звука. Привыкшая реагировать лишь на тычки и удары, она была согласна быть Галей, Веркой, Старой ведьмой и Квашней отмороженной, даже не зная о своем согласии. Сегодня она была Галей. Послушно собрав окоченевшими руками воняющие тухлятиной сумки, Галя побрела за более приспособленной к выживанию подругой.

Больной, изъеденный ревматизмом позвоночник вместе с артритом в суставах заставлял Галю двигаться медленно, загребая правой ногой в дряхлом мужском сапоге. Сапоги! Это был щедрый новогодний подарок подружки. Вручив сапоги, та произнесла, а Галя по ее губам прочитала самую длинную речь за весь прошедший год. Не речь даже, а признание: "На, держи, стервоза, чтоб не сдохла до весны! А то с кем я тоску заливать буду? Дурочка ты моя скрюченная!"

Галя наступила в глубокую лужу и остановилась. Она замерла и перестала двигаться. Мутный взгляд был направлен по-прежнему на больные ноги, но в опухших водянистых глазах вдруг исчезла жизнь. Они как будто погасли. Галя перестала чувствовать тяжесть пакетов, раздирающую боль в пояснице, она оттолкнулась от земли и взмыла вверх. Голова сначала закружилась, но потом сладостное тепло разлилось по телу. Взмахнув руками, она села на провод, растянутый между крыш. Провод тоже казался теплым. Грея ступни на проводе, Галя рассматривала спящих внизу прохожих, квадрат детской площадки, полоски проезжих дорог. Она взглянула в небо, надувшееся тучами и изливавшее божественную тоску на бранный мир. Ей захотелось подняться дальше, выше туч, выше облаков, к солнцу. И сгореть скорее... Но тут Галя услышала внизу знакомый голос, он звал ее. Странно, ведь ее слух не умел улавливать звуки. Откуда голос? Галя посмотрела вниз и разглядела женщину в плаще, оравшую на согнутую пополам старуху, застрявшую в луже:

– Галь, ну ты охренела? Чо в луже встала? Пшли! Купаться надумала?

Галя была глухонемой с детства. Но не от рождения. В сорок третьем попала с родителями в плен и почти сразу – в концлагерь для мусульман. Мама ее была татаркой. А папа... А папа отказался покинуть маму и остался с ней до конца, хотя был по происхождению французом знатных кровей. Детей фашисты сразу у родителей забирали: отрывали, отбивали прикладами, вырывали с из рук. Галя знала, еще помнила медленно разжижающимся мозгом, что ее имя означало по-татарски "госпожа". Папа придирчиво выбирал имя дочурке, похожей на волшебный сказочный цветок, распустившийся на радость миру! Ниса. Ее имя было вовсе не Галя, и не стервоза, и не... Ее звали Ниса.

Папа часто читал ей на ночь стишок Тютчева, сильно картавя русское эр и сглаживая согласные:

Ниса, Ниса, бог с тобою!
Ты презрела дружный глас,
Ты поклонников толпою
Оградилась от нас...

А потом хватал дочку на руки и кружил, и шептал: "ma belle... ma belle.." Ниса обожала папин голос, слушала его, затаив в сердце счастье, чтобы не выплеснулось.

В лагере детей держали в чистоте и сытости, как в дорогом пансионе. Трехлетняя Ниса думала, что тут очень странные добрые фашисты, они просто хотят помочь папам и мамам прокормить детей, потому что война, потому что голод. Периодически некоторые из ее подружек исчезали бесследно. Их уводили к врачу и больше не приводили обратно. Ниса решила, что врач проверял детям здоровье перед тем, как вернуть папе и маме. Ниса жадно ждала момента, когда придут и за ней тоже...

У врача был стерильный белый кабинет. Все было белое – кушетка, стол, стулья, шкаф, пол, стены, даже окно было аккуратно замазано белой краской.

– Как тебя зовут? – с тяжелым акцентом спросил строгий дядька в белом комбинезоне и белой марлевой маске.

– Ниса, – вжавшись в холодный стул, ответила она.

– Как? – уточнил дядька, заполняя клетки белого листа нарисованными крючками и петельками.

– Ниса.

– Насиональность?

– Французская! – радостно выпалила Ниса, ожидая скорого появления мамы с папой.

– Почему француз? Татар? Ты татар? Татар-ка? – изгибая язык во рту в непривычных позициях, продолжал каверкать буквы врач.

– Моя мамулечка – татарка! А я как папа – французенка! – кокетливо почесав бритую голову, объяснила Ниса.

– Йа! Да, понятно, – сухо констатировал дядька.

Он вышел и вернулся с белой железной коробочкой. В ней что-то весело позвякивало. Ниса мечтала, как доктор ей сейчас проверит сердце и услышит в нем французский марш, гордый и воинственный, и поймет: она – французенка! Как папа!

– Садись в креслио и закрой глиаса, – приказал дядька.

Ниса забралась в белое чудовище с ремнями и рогами, торчащими отовсюду. Доктор пристегнул ее покрепче, достал из кармана халата плотные беруши и заткнул крупные оттопыренные немецкие уши... Сверху он бережно прикрыл их смешными пушистыми наушниками.

Нисе проткнули обе барабанные перепонки. Взяли пункции мозга – головного и спинного. Забрали полтора литра крови и положили в морге на каталку корчиться и умирать. Бог послал ей длительную кому – мозг сильно повредили, задели мозжечок и еще какие-то важные центры. Существенно пострадала память и соматическая нервная система. К счастью, Ниса ничего не запомнила, начиная с момента проникновения острого инструмента в слуховой проход. Яростная боль милостью защитных механизмов организма навсегда осталась за гранью сознания...

– Эээй, Галька, шевели копытами-та, а то завтра будешь у меня весь день опять Старой сукой вместо Гали.

Тычок ботинком в спину вывел Нису из состояния наблюдения за собой сверху. Она часто выходила из своего тела, взлетала, как голубь, и поглядывала сверху на двуногих бескрылых птиц в шапках.

Самое сладкое время приходило вместе с ночью. Пристроившись в теплом подвале на трубе, подруга поила Нису настоящим чифирем! Это случалось далеко не каждый день, и даже не каждый месяц, но если уж... То это был настоящий праздник!

Взбодрившись черной густой жижей, почувствовав знакомые свои ритма в сердце, подруга завела песню.

– Ксюш, Ксюш, ксюююшаааа, юпачка из плюююююшааа, рууууусая косааааааа... – воплощая дергающимся плечами цыганочку, выла тетка в плаще.

– Нииииисссс, нисссссс... – вдруг тихо зашамкала сегодняшняя Галя, не меньше взбодрив свои замшелые извилины чайной горечью.

– Чо ты там? Не слышу? Чо-чо? – заинтересовалась потугами глухого чучела, радостно хохоча, соратница по бездомности.

– Ниииису ти ба, – отчаянно старалась выразить мысль Галя.

– Ха-ха! Точняк, Галька! Не судьба! Не судьба нам с тобой. В теплой постельке помереть да в чепчиках с бантиками-га в гроб лечь – не судьбааааа. Стерва она, судьба эта гребаная, – орала подруга, крутя головой и бедрами, – О, ништяк! Будешь ты у меня завтра не Галя, а Несудьба! Это будет твое имя на неделю! Хошь на неделю, а? Несудьба ты моя горбатая! Ха-ха-ха!!!

– Ниса Тьбаааа, – беззубо тянула буквы Ниса, силясь улыбнуться своим нервно подергивающимся ртом. Она говорила, что ее зовут Ниса. Что она из знатного рода Дюбуа, что она француженка, как папа, и что она могла бы сейчас быть вместе с родителями на небесах. За что-то ее наказал Бог – заставил жить калекой, спать на трубе в подвале и есть тухлые отбросы с помойки. И все равно она счастлива, что она Ниса Дюбуа! И что она целую неделю будет почти самой собой, отзываясь на кличку Несудьба.

Последний день

Мария Сергеевна Кочетова была женщиной одинокой, но это одиночество сказывалось на ее характере вполне благотворно. Соседки то и дело перешептывались, проходя по лестнице мимо ее черной стальной двери, мол безмужняя, мол дева старая, мол неуживчивая и заносчивая, мол судьба трудная. "А чего трудного?" – удивлялась про себя Мария Сергеевна, – "Забот никаких, нервы в спокойствии, сама себе всю жизнь хозяйка. Вон как горе мыкают многодетные да разведенные разные, вдовы да брошенные взрослыми детками старушки. А я сиротой болезненной не была никогда и не буду. Фигуру сохранила, здоровье – в свои шестьдесят могу на шестой этаж подняться пешком, да еще с сумками".

Прожив всю жизнь в одном и том же городе, в одной и той же квартире, проработав сорок лет в одной и той же библиотеке рядом с домом, Мария Сергеевна законсервировалась в узком уютном мирке спокойного и светлого одиночества. Она искренне не понимала страдающих от него людей. В одиночестве было сосредоточено ее счастье и смысл бытия.

И вот настал последний день жизни. Мария Сергеевна встала утром с постели, посмотрела в окно на первый снег и поняла – сегодня! Сварила как обычно какао, разбила на сковородку одно яйцо, постелила на стол накрахмаленную салфеточку и тарелочку поставила самую нарядную. После завтрака она отправилась в магазин и потратила всю полученную вчера пенсию на колбасу, хлеб, свежий фарш, сардельки, килограмм шоколадных конфет и две бутылки дорогого кагора. Поразмыслив немного возле кассы, Мария Сергеевна махнула рукой и пробила еще большой шоколадный торт с розочками из взбитых сливок. Один раз такое событие, что уж жадничать, с собой все равно не заберешь...

Дома, разложив аккуратно продукты по местам, Мария Сергеевна нарезала бумажек и написала фломастером четыре объявления – ровно столько было подъездов в доме: "Дорогие соседи! Всех приглашаю к себе сегодня вечером в 21.00. Подъезд второй, квартира номер 44. Буду рада каждому, кто заглянет! Мария Сергеевна Кочетова."

Навела красоту, почистила ковер в комнате, перемыла праздничные тарелки и бокалы, натерла до блеска полированный сервант, прибрала пыль на книжном шкафу. К пяти вечера все было готово к уходу в мир иной. "Интересно, что там будет, кто встретит, за что ответить придется?" – не торопясь, размышляла женщина, достав из шкафа самое лучшее платье изумрудно-зеленого цвета и представляя в нем себя в гробу. В этом платье Мария Сергеевна встречала свой последний Новый год. Как всегда в одиночестве и тишине, под тихое тикание настенных часов.

В шесть пришла соседка с пятого этажа, которую Мария Сергеевна год назад залила и с которой пришлось даже судиться.

– Привет, Маш! Чего это за новости у тебя? Ты не замуж ли у нас собралась? По какому поводу всех собираешь, признавайся! – лихо подмигнув и улыбнувшись во всю ширину съемного зубного протеза, спросила соседка, не переступая порога.

– Нет, Вер, просто так зову. Какой замуж, ты что? – легко засмеялась Мария Сергеевна, представляя себя невестой какого-нибудь дряхлого пенсионера.

– Ну ладно, тогда приду. Рябиновую нести что ль? – ненавязчиво напомнила соседка про свою первоклассную настойку, которую она мастерски делала из рябины каждый год в невероятных количествах.

– Обязательно неси, и пироги твои фирменные тоже пеки! И всем нашим там передай, чтоб приходили. Я всех жду!

Мария Сергеевна захлопнула дверь и почувствовала страшную усталость. Столько дел сегодня навалилось, столько мыслей! Надо было отдохнуть перед приходом гостей. Она прилегла на диван, укрыв ноги клетчатым пледом, повернулась на бок – так лучше было видно

красоту за окном – и заснула. Ей снилась невеста в белом пышном платье с фатой, маленьким милым букетом розовых роз, и рядом с невестой – жених в черном. Все было на нем черное – и костюм, и ботинки, и рубашка, и галстук, и даже традиционный цветок на груди. Жених улыбался и обнимал невесту, подливая в ее бокал Веркину рябиновую настойку. А невеста смеялась, радовалась, и все пила, пила, пила из бокала...

Ровно в девять вечера пришла Верка с пирогами и жбаном рябинового шедевра. Войдя в незапертую квартиру, она не стала будить уставшую подругу и принялась метать на стол закуски из холодильника. Постепенно подтягивались изумленные соседи. Никто не мог понять, по какому поводу собрание.

А Мария Сергеевна глядела на все с потолка, перелетая из комнаты на кухню и обратно, посмеялась, порадовалась, да и улетела совсем. Ведь это был последний день ее жизни. Спокойный и уютный, наполненный одиночеством, как и все остальные дни.

Обида

Мишка пришел из школы злой. Мамы дома не было, и даже кошка улизнула на соседский балкон наблюдать за голубями. Мишка закрылся в своей комнате, рухнул прямо в куртке на кровать и заплакал. Если бы мама оказалась дома, она обязательно бы его погладила сейчас по голове, повернула бы к себе, поцеловала в лоб и спросила: "Что случилось, Мишань?" А он бы молчал, как партизанская рыба, вмерзшая в глыбу льда. Мама стянула бы с него куртку, обняла и позвала бы есть щи со сметаной. А потом бы еще отрезала кусок яблочного пирога и налила свежего чая. И даже после этого Мишка не рассказал бы, как его сегодня унизила при всем классе ненавистная Тамара Игоревна, похожая на кикимору в своем вечно зеленом пиджаке и мешковатой юбке из той же зеленой мерзкой ткани. Она будто создана из змеиной кожи, будто сшита из крокодильих хвостов.

Отношения с классной не сложились у Мишки с первого же дня, с самого первого мгновения. Бывает так в жизни – биополя категорически не срастаются и все тут! Да и с английским у Мишки отношения всегда были напряженными. Тамара Игоревна спросила на том самом первом уроке "Ху из он дьютит тудей?" Мишка поднял руку и сказал: "Я". С тех пор англичанка принялась кромсать это его большое разноцветное "Я" во всю силу полномочий классного руководителя. Мама пыталась урегулировать конфликт, дипломатично задаривая Тамару Игоревну духами и конфетами, но та продолжала гнуть Мишкино «Я» в подкову.

И вот сегодня Мишка сдался. Все, больше он ни за что не переступит порога чертовой кикиморочной школы, ни за что! Если бы мама сейчас продолжала его успокаивать и допрашивать, обещая все возможные радости на свете, и даже кино, и даже пирожки с картошкой, Мишка все равно бы ей не рассказал, как Тамара Игоревна ударила его линейкой по губам и назвала отморозенным дебилом, которого не жалко продать на органы, исключая, конечно же мозг. "Этот твой орган, Стрельников, поврежден видимо генетически!" Весь класс засмеялся! И друг Андрей, и приятели по шахматной секции Спицын с Григорьевым, и даже Светка Краснова!

"Все, это предел. Дебил, ну и черт с вами! Отморозенный, ну и пошло все к ядрене фене, останусь неучем и буду двор всю жизнь мести..." Так говорила соседка из второго подъезда, когда Мишка матери помогал снег сгребать и лед ломом долбить. Мама уже привыкла, а Мишке становилось горько, вся душа сжималась пружиной, хотелось гадость какую-нибудь сотворить, чтобы заткнулись злобные рты.

Если бы мама оказалась дома, она почувствовала бы недоброе на сердце Мишки, она бы отговорила, успокоила, утешила. Мама сильная и добрая. Она даже на отца зла не держала, когда ушел к другой. Плакала, болела долго, но простила. Если бы только мама оказалась дома...

Мишка решительно поднялся, вытер слезы и вышел во двор. Весеннее солнце полоснуло по глазам, словно лезвием. Мишка зажмурился, но все равно было больно. Сердце разрывалось от жгучей обиды. Взяв мамину метлу, он принялся яростно сгребать жидкую грязь с тротуара. Стиснув зубы, он мел двор, жесткие прутья громко скребли асфальт, возмущенно скрипели и хлюпали в мутной слякоти. "Посмотрим еще, кто дебил, погодите," – бормотал Мишка, "Посмотрим, кто неучем станет"...

Мишка смотрел на метлу и вдруг представил Тамару Игоревну верхом на ней, летящую в небе с развивающимися на ветру спутанными волосами, в зеленом костюме, сделанном из змей и крокодилов, с морщинами и бородавками на лице. Она летела и кричала страшным воплем: "На органы продам, дебиинииииилыыыыы..." Мишка расхохотался, поплевал через левое плечо и принялся чистить с удвоенным старанием.

Вечером пришла мама и нажарила вкусной картошки с луком.

- Как школа? – спросила она.
- Все окей, – ответил Мишка, – проходили сегодня мозг!
- По анатомии?
- Нет, по английскому...
- Странно как-то, нас по-другому учили.

После ужина мама достала из буфета печенье и налила чаю.

– Ты знаешь, Мишань, мне так неловко. Я сегодня утром в магазине поругалась с одним типом, обозвала его грубо, хотя он не виноват был. Просто так чего-то тошно стало за жизнь свою тяжелую, сорвалась вот на случайном человеке. А он взял и прощения у меня попросил. Да еще вежливо так! Я прямо обмерла. За что вы, спрашиваю, прощение-то просите?! А он мне и говорит, что всегда прощение просит у женщины, если та не права. И ты знаешь, весь мой мрак как рукой сняло. Я его даже поблагодарила.

Мама жевала печенье и смеялась. А Мишка чувствовал, как его жгучая обида растворяется в этом чае и в этом смехе.

На следующий день Мишка подошел к Тамаре Игоревне и попросил у нее прощения. Она ухмыльнулась и снисходительно спросила:

- За что же мне тебя прощать, Стрельников?
- За то, что назвали меня дебилком, – по-военному строго отчеканил Мишка.

И тут англичанка действительно начала превращаться из кикиморы в человека. Оттенок ее зеленого пиджака смягчился, потеплел, налился травяным отблеском, и сама Тамара Игоревна засияла улыбкой Василисы Прекрасной. Поправив аккуратную высокую прическу, вздохнув о чем-то своем потаенном, она произнесла:

– Это я сказала сгоряча, Миша, ты вполне способен хорошо учиться. Будем над этим работать. Мир?

- Мир, – ухмыльнулся Мишка, мысленно пожав руку вчерашнему маминому знакомому.

Сознательная жизнь

Решил однажды Санька за ум взяться – начать сознательную жизнь. Надоело за играми и телевизором время прожигать. Задумался – что ж полезного сделать? Порылся в холодильнике, отыскал яблоко и съел его. "Витамины укрепляют организм, значит, полезное дело", – подумал Санька. Немного повеселев, он сел на диван и прислушался. Непривычно, когда все выключено, мир как будто сузился, свернулся из целой вселенной в одну маленькую скучную комнату.

Взгляд упал на комод. В верхнем ящике лежали разные лекарства и градусник. Санька померил температуру в надежде на высокие показатели. Ведь, не могло такого быть, чтобы человек в здравом уме бросил "Старкрафт" на двадцатом уровне! Однако, градусник не оправдал надежд Саньки. Только и радовало – измерение температуры было делом полезным.

Санька побродил еще по квартире, посмотрел в окно, посчитал припаркованные во дворе машины. По мокрому тротуару медленно двигался бегун в красивых белых кроссовках. Санька подумал: "Сверху кажется, что медленно бежит, а на самом деле..." И осенила его идея – зарядку делать! Присел раз десять, отжался раза три, потом уселся в позу йога, прикрыл отяжелевшие веки, глубоко вздохнул. И вдруг побежали перед глазами Саньки зерги, поползли протосы, замигали смайлики. Забеспокоился Санька, сколько же там, наверное, сообщений в контакте, фотографий в ленте, новостей в сообществах. А он – отрезанный от мира узник четырех стен! Все там – а он тут, все онлайн – а он за бортом.

Надо было срочно придумать очень полезное дело, настолько полезное, чтобы не обидно было. Санька пропылесосил ковер, погрел чайник, вынес мусор, поколдовал над тетрадкой по алгебре. Но это все были мелочи. Настоящего дела, достойного победы над зергами, все не находилось.

Пришла с работы мама, обрадовалась, похвалила Саньку, заметив подвиги, на всякий случай потрогала его лоб и сказала: "Ну вот, сынок, сегодня ты молодец, честно заработал сюрприз!" И достала из сумочки диск с новой компьютерной стрелялкой. Санька тяжело вздохнул, грустно улыбнулся и обнял маму. "Придется отложить сознательную жизнь недели на три", – подумал Санька, распаковывая "сюрприз"...

Пирожные

В детстве я часто была дома одна. Так сложилось – ни сестер, ни братьев, родители до шести на работе. Многие мои подружки обожали гулять. Сидение дома им было хуже замка Иф. А я наоборот – ощущала свободу в тишине и уединении. Однако, это единственное противоречие между мной и остальными нисколько не нарушало хрупкой целостности дружбы.

Однажды ко мне пришла подружка Лена. Мы поболтали о школьных новостях, обсудили вчерашние приключения на уроке труда, и тут нам захотелось чего-нибудь вкусенького. А на дворе стоял аж 1989 год. Продукты выдавали хоть и не по талонам, но ассортимент в кондитерских и иже с ними отделах хромал на обе. Я порылась в запасах и нашла пакет с сухарями. Тогда продавали очень вкусные сухари – поджаристые, золотисто-коричневые, с изюмом! Мы с Леной настроились пировать. И тут я вспомнила один рецепт, с помощью которого можно превратить пакет сухарей в целую тарелку пирожных! Лена поддержала идею, тем более, она никогда не пробовала таких пирожных.

Мы достали мясорубку и тщательно измельчили сухари в порошок. Грустно глянув на этот порошок, вытащив пальчиком из него изюминку, Лена вздохнула. Ее терзали сомнения насчет успешности нашего грандиозного плана. Ей стало жалко гарантированно вкусные сухари. А я без всяких сомнений растопила в ковшике пачку масла. (Какое тогда продавали сливочное масло! Это ж было масло!) Мы смешали в миске ингредиенты, в конце добавили какао из красивой изумрудно-зеленой пачки и принялись тщательно перемешивать – долго и нудно. Лена совсем раскапризничалась, она устала и проголодалась. Чтобы хоть немного взбодрить ее, я взяла столовую ложку и предложила попробовать будущие пирожные. Нам оставался всего лишь последний шаг – из полученной сладкой массы налепить много шариков и извлекать их как следует в какао. Но терпение Лены кончилось раньше времени. Она отобрала мою ложку и попробовала на кончике капельку теста. Закрыв глаза от удовольствия, запрокинув назад голову, Ленка замычала и тут же зачерпнула полную ложку. Я тоже почувствовала, как под ребрами у меня заболело от зависти, взяла еще одну ложку и тоже продегустировала будущие пирожные.

Не помню, сколько прошло времени, может пять минут, может пятнадцать... Но шарики нам катать было уже не из чего. Надегустировались мы от души! Тесто кончилось неожиданно и безвозвратно. Попили чаю – тем дело и кончилось.

А Лене так понравилось готовить пирожные, что она обещала прийти завтра с сухарями и еще с пряниками.

Гвоздь

Меня разбудил стук в стену. Мощный и громкий. С той стороны будто долбили пудовой кувалдой. Бам-тумм, бам-тумм... Спросонок я не могла сообразить, откуда именно доносился этот дьявольский гром. Вроде бы со стороны коридора, но не с боку, а сверху. Может быть, новые соседи начали делать капитальный ремонт и сносили оконный проем, ведущий на балкон? Многие в нашем подъезде так делали по причине слишком большого количества лоджий в квартирах. Я попробовала закрыть глаза и отвлечь внимание от ударов на что-нибудь приятное. Вспоминала прошлогодний отдых в Египте, новогодний корпоратив в кафе на Мясницкой, день рождения в пейнтбольном клубе... Все тщетно. Любые приятные образы разбивались от ударов пудовой кувалды, словно хрустальные. Еще некоторое время я старалась быть лояльной к чужим проблемам, внушала себе, что ремонт – дело необходимое и важное, никто от него не застрахован. Аутотренинг делу не помогал. Пудовая кувалда уже виделась мне живым воплощением чудовища, выпущенного из древнего сосуда неосторожным соседом. Чудовище с молотом вместо головы, гигантскими страусиными ногами и крыльями дракона разбежалось и, развив скорость реактивного самолета, яростно рушило головой стену. Мою стену! Новый удар подтвердил предположения.

Я слезла с кровати и поплелась на кухню заваривать кофе покрепче – верное средство от древних чудовищ в голове. Пока разогревалась включенная конфорка, пока в джезве поднималась пенка, стук исчез! Тишина показалась напряженной и загадочной. У них сломалась кувалда? Или стена наконец не выдержала? Чудовище устало и отправилось спать? Мои ноги невольно старались шуршать тапочками тише, а руки – греметь кофейной чашечкой о блюдец осторожнее. Я стала бояться разбудить его! Я сошла с ума...

Вдруг раздался звонок в дверь. Я на цыпочках подкралась к глазку. За дверью стояло нечто о двух столбах вместо ног и молотом вместо головы. "Глазок надо поменять" – подумала я и открыла. На пороге оказался симпатичный парень в джинсах и рубашке с закатанными выше локтей рукавами. Аполлон бы умер от зависти, если бы увидел этот торс! Мышцы проступали через рубашку, перекатываясь рельефными волнами. Открытая, почти детская улыбка завоевывала без боя. Я онемела и забыла поздороваться.

– Извините, у вас случайно стремянки не найдется? – спросил он и улыбнулся еще шире.

– Так это вы там стены сносите? – язвительно уточнила я, сдерживая головокружение.

– Да неееет, какие стены?! Ну что вы! Один гвоздик всего – портрет повесить. А теперь нужно люстру... А стремянка на той квартире осталась. У вас нет стремянки? – оправдывался он.

– Чей же портрет вам так дорог, что всю субботу на него не жалко? – продолжала мстить за испорченное утро я.

– Вообще-то мамин, – смущенно сказал он.

Боже! Мамин портрет! Он все утро забивал в стену гвоздь, чтобы повесить мамин портрет. Я, наверное, еще спала, в происходящее верилось с трудом.

Новый сосед забрал стремянку. А мне до слез захотелось потерять какой-нибудь замшелый старинный сосуд, чтобы из него выскочило чудовище с молотком вместо головы. И тогда я бы обязательно попросила его снести стену, в которую этот «Аполлон» все утро забивал гвоздь...

Возвращаться некуда

Часы показывали семь. Еще только обозначались ранние сумерки, а сон уже накатывал со всей силой накопленной за день усталости. Иван Петрович выключил нудно бубнивший телевизор, погасил в кухне свет, и, проверив замки входной двери, пошел спать. Все пространство маленькой комнаты было заполнено теплым желтоватым светом, отраженным от уютных абрикосовых стен. Абажур старомодного ночника уже много лет разрисовывал стены причудливыми тенями – свидетелями сокровенных бесед, признаний, объятий, слез и других семейных тайн. Иван Петрович лег на свою половину кровати – поближе к окну – погасил ночник и закрыл глаза. После развода с женой он перестал перед сном читать. И не мог больше спокойно засыпать, мысленно благодаря судьбу за благополучно прожитый день. Теперь он не засыпал, а сбегал от болезненной действительности в укромный уголок, в себя, внутрь, проваливался глубоко в дебри памяти, где не было повседневных забот и терзаний совести. Иван Петрович погружался в потертые воспоминания, черно-белые, размытые обрывки детства.

Однажды десятилетним мальчишкой он убежал из дома. Решил пожить сам, один, как взрослый. Он ведь и был уже почти взрослый. Надоели бесконечные придирки и наказания родителей. Ваня сложил в рюкзак все необходимое и отправился на вокзал. Уехал, куда пришлось – оказался это город Волгоград. Бродил бестолково целый день по чужим улицам, смотрел на чужих людей и радовался новому чувству свободы. Ваня тоже стал новым, чужим для самого себя. Нечаянно забрел он на Мамаев курган. Это было важное место – возле входа останавливались туристические автобусы и оттуда выходили взрослые с фотоаппаратами. Они говорили на непонятных языках, радостно улыбаясь друг другу. Ваня медленно шагал по огромной лестнице, читал выбитые в каменных плитах фамилии, представляя, как герои войны с автоматами в руках били фашистов, как кричали "За родину!" и погибали от вражеских пуль, и падали замертво. Ваня увлекся военными мыслями и, прыгая по ступенькам, кричал "Гра-та-та-та, за Родину!", размахивая воображаемым автоматом. Враги отвечали ему злобными автоматными очередями, отплевываясь свинцом. Несколько пуль прошли Ванино тело. Но упасть замертво он не успел – проходивший мимо милиционер неожиданно заинтересовался, откуда он взялся и куда делись его сумасшедшие родители. Как милиционер догадался, что родители были далеко и сходили с ума в поисках сына, Ваня так и не понял. Оглянуться не успел, и в отделение милиции за ним пришел отец. В то памятное мгновение Ваня почувствовал себя настоящим героем, вернувшимся с войны. Счастьем искрились его глаза даже после того, как жестко встряхнув, и еще больно ударив по щеке, отец крепко обнял его и заплакал. Пусть больно и стыдно. Но увидев отца, он будто снова оказался на Родине.

Жена ушла неожиданно. Развод произошел слишком быстро. Слишком стремительно разорвалась по швам жизнь, оголив спину одиночества. Только теперь, с трудом засыпая на своей половине кровати, в тишине, в осиротевшей квартире, Иван Петрович чувствовал, что потерял Родину, что возвращаться некуда. И теперь всегда будет только война.

Поздний звонок

Звонок раздался поздно, почти ночью. В это время звонят либо из милиции – с новостями тревожными, либо из больницы – с новостями печальными. Я, откровенно говоря, услышав звонок, вздрогнула, стоя в халатике возле распахнутой постели и вбивая пальцами в щеки питательный крем. Пока мобильный телефон жалобно пиликал "Вдоль по Питерской", в голове пронеслись одна за другой морозные мыслишки: "Бывший муж угорел на даче? Мама с новым кризисом в больнице? Машка рожает?"

На Машке фантазия моя кончилась. Соседка с первого этажа собиралась рожать четвертого, а муж ушел в плавание. И она просила меня помочь если что. В ожидании этого "если что" мы сидели на тревожной сумке, собранной в роддом, третью неделю. Может, Машка сроки перепутала? Но тогда выходило, что муж не причем. А этого быть не могло – так утверждала Машка, нервно теребя мочку уха и глядя с нежностью на свое огурцово-продолговатое пузо. Ну, не могло так не могло... Мне-то что?

Мама только утром звонила, в театр сегодня собиралась, держалась бодро, на здоровье не жаловалась. Хотя, сосудистый криз мог ее и в театре накрыть – вещь коварная. Все равно, она не стала бы мне звонить сегодня, скорее утром – список вещей и продуктов под диктовку. Нет, это точно не мама.

Тогда оставался бывший муж. Он жил последнее время на даче – новая жена завела трех кошек, не учитывая его аллергии на шерсть. А может, и его самого она давно уже не учитывала. Глядя на его сложную судьбу, меня иногда тянуло сварить борща, напечь пирогов, налепить котлет из индейки, как он обожал – с грибным соусом, и рвануть на эту чертову дачу. Нет, нет, глупости, провокация. Нет. Хватит с меня борщей и соплей про карму, нагруженную грехами предков.

Мобильник тягучим басом выводил "Вдоль по Питерской" все более настойчиво.

– Алло? – предельно строго произнесла я, нажав на прием звонка. Определитель явно указал на нарушителя спокойствия – звонил Лева, агент по недвижимости.

– Добрый вечер, Наталья Константиновна! Ради Бога, извините, что беспокою так поздно, – голос Левы показался сильно взволнованным.

Агент Лева сдавал мою старую квартиру. Причем всегда неудачно. Но, что делать, приходилось терпеть – все-таки сын хорошей маминой приятельницы.

– Лева? Что случилось? – спрашивала я, уже догадываясь, что услышу в ответ: "жильцы сбежали, унесли все, включая обои, как в прошлый раз"! Мог бы и утром настроение испортить, думала я, слушая шорохи в телефоне.

– Нет, простите, я конечно должен был утром, – читая мои мысли, извинительным тоном мямлил этот придурочный агент Лева, – но лучше сразу. Или скажу вам сейчас, или... – он запнулся, его трясло, он задышался в астматическом приступе от волнения, – или никогда уже не скажу.

– Что за детский сад, Лева?! Говори быстрее, я спать хочу! – разозлившись на детскую трусость взрослого тридцатилетнего мужика, гаркнула я, плюхнулась в кресло, вытерла салфеткой весь крем с лица и начала нервно постукивать ногтями по стенке. Указательный попадал точнехонько в сиреневое пятнышко абстрактного фиолетового цветка, расплзавшегося контурами от страха во все стороны не меньше Левы.

Я вспомнила нашу первую встречу. Он пришел в новом шерстяном пальто со старой сумасшедшей мамашей под ручку. Картинка была умиляющая. "Профессиональный агент по недвижимости" неловко поцеловал мне пальчики и предложил помощь в любых вопросах. Я вежливо отказалась, сразу определив в нем неудачника. Но его мамаша тут же прикинулась умирающей на песке медузой, и я сдалась!

– Лева! Говори быстрее? Пожар? Трубы? Газ? Ты ждешь, когда я засну?
Лева на том конце тяжело выдохнул:
– Я вас люблю.

Заработался

Иван Петрович шел с работы. Обычно он ездил на элегантной черной тойоте. Но вчера утром ее жакнул в бок хамоватый опель, пытавшийся протиснуть в самую гущу пробки свой тупой нос. Пришлось Ивану Петровичу отдать тойоту в ремонт и через весь город идти пешком туда и обратно. День выдался не из простых – неожиданно нагрянул шеф и устроил проверку соответствия. Шеф всегда впадал в бешенство, если кто-то халтурил. А тут целый отдел маху дал, шутка ли. Пришлось подсуетиться – а куда денешься. Шеф остался доволен, а вот Ивана Петровича к вечеру чуть "Кондратий не прихватил", сердце загнанным зверем металось в грудной клетке, норовя выскочить прямо на асфальт. Серьезно этого опасаясь, уставший заместитель директора придерживал широкой ладонью левый бок пальто. У него развилась одышка и ему очень хотелось домой.

Когда оставалось лишь завернуть за угол родной кирпичной девятиэтажки, Иван Петрович обнаружил – он забыл на работе ключи от квартиры. Конечно, страшного в этом ничего не было, жена скорее всего давно дожидалась его, согрев вкусный ужин. Но все равно было отчего-то обидно. Иван Петрович еле доволочил ноги до лифта, из последних сил нажал кнопку с выцветшей девяткой и с облегчением вдавил до упора пимпочку дверного звонка.

Дверь никто не открывал.

Никакие дильбомы, тилибомы и дзяодзини-бумы не помогали. Попытки постучать и даже поколотить носком ботинка в мягкую обивку не спасали положения. И оно, между прочим, становилось безвыходным.

"Куда ж подевалась Галя?" – грустно пытался вспомнить несчастный Иван Петрович. Может у соседки? Она часто сериалы с ней смотрела. Или на даче? Вчера вечером был разговор про какие-то планы... Но по телевизору как раз шли новости. Муж ничего не слышал, хотя честно кивал и поддакивал жене. Галя гундела-гундела, и скрылась с глаз, слава тебе господи. И почему женщины так много говорят, выражая простые мысли?!

Чувствуя себя последним глупцом и ощущая трепет митрального клапана, готового вот-вот порваться, Иван Петрович вспоминал Галины блинчики с мясом и аромат ее фирменного травяного чая. Они с женой долго и почти счастливо прожили вместе двадцать три года. В постоянных придирках и полном взаимонепонимании. Два взрослых сына стали врачами, дочь вышла замуж и уехала в Швецию. Все бы хорошо, если бы Галя оказалась дома именно сейчас, именно в нужный момент, а не когда ей вздумалось...

Сначала Иван Петрович сильно злился на Галю, потом он проклинал водителя опеля, ударившего вчера его тойоту. А просидев на ступеньках возле двери сорок минут, он возненавидел самого себя за оставленные в кабинете ключи.

А еще через час он вспомнил – вчера вечером жена от него ушла! Вот так бывает – закрутился, заработался и забыл.

Седьмая голова

Света сидела на подоконнике и смотрела в окно. Внизу сквозь раму слегка поддувало – окна они с мамой никогда не заклеивали, боялись духоты. Если в дом не попадало хоть немного морозной свежести, Свету мучила астма. Лучше кутаться в десять кофт, чем задыхаться.

За стеклом бушевала метель. Миллионы бестолковых снежинок метались в разные стороны, спасаясь будто бы от страшного чудовища. Что за чудовище? Почему они его боялись? Света смотрела на метель и размышляла об этом. Скорее всего, снежинки чувствовали, что скоро их расплавит безжалостным горячим теплом некое существо о семи головах. Люди называли его нежным именем Весна!

Идея семиголовой весны оказалась интересной. Света за двенадцать лет своей жизни ни разу не представляла весну такой чудной. Она принялась размышлять дальше...

Из одной головы бьет водопад. Это символ новизны, символ движения. Из другой – прорастают зеленые ветви дерева, на котором распускаются ароматные цветы. Это символ жизни. Из третьей головы льются звуки – многоголосые песни о любви. Птички трели переплетаются с криками зверей. Четвертая голова словно прожектор освещает, жжет, пронизывает все горячим тепловым потоком, солнечным светом. Пятая голова декламирует стихи, подбирая рифмы и воспевая обновление в природе.

Пока Света думала про шестую голову монстра по имени Весна, кто-то позвонил в дверь. Ей ужасно не хотелось покидать подоконник и отвлекаться от наблюдения за мартовскими снежинками. Но пришлось себя заставить – вдруг что-то важное?

– Здравствуйте! Вы Светлана?

На пороге стоял почтальон в синей куртке с бейджиком "курьер Иванов".

– Да. Но у нас тут две Светланы. Вам какую?

– Мне Серову.

– Я Серова! – Света почувствовала трепет в сердце, наверное пришла посылка от папы.

– Тогда вот, – курьер протянул ей уведомление о бандероли и ручку, – распишитесь.

Света расписалась в потрепанной тетрадке почтальона, вежливо вернула ручку, просяив от радости и одаривая курьера Иванова весенней улыбкой, отобранной у всех семи голов странного чудовища, и захлопнула дверь.

Шестая голова весны конечно была винтом почтового вертолета! Папа всегда присылал весной на Светин день рождения подарки! В прошлом году – шапку из песка, в позапрошлом – настоящие олени пимы.

Папа работал геологом на крайнем севере. Уже три года он не приезжал сам, а только присылал письма и подарки на день рождения. Дочке Свете весной и жене Свете осенью. Писал, что плохо с транспортом...

Света снова устроилась на подоконник и прижала почтовый документ к сердцу. Она подумала, что седьмая голова Весны – это голова северного оленя с ветвистыми рогами, смешными оттопыренными ушками и грустными глазами...

Метель за окном близилась к затишью. Снег стал мокрым и тяжелым, медленно превращаясь в дождь. Света не знала почему, но тоже стала плакать, как и несчастная зима, за которой гналась по пятам семиголовая дикая Весна...

Вечером пришла с работы мама. Света похвасталась уведомлением о посылке. Мама нежно погладила дочку по рыжим, как у отца, волосам и сказала: "Слава Богу. Значит, у него там все в порядке." Она уже третий год боялась сказать дочке самое главное... Что отца больше нет.

Лампа

Аркадий Иванович очень любил свою настольную лампу. Просто мания какая-то. И началось-то с пустяка – подарила на день рождения дочка. Принесла, из коробки достала и водрузила на стол, будто кубок победителя турнира по прыжкам в высоту. Аркадий Иванович поругал Татьяну за бессмысленные растраты, да и взял подарочек.

Не сразу он лампу эту оценил, совсем не сразу. Сначала выжидал, игнорировал, словно инородный предмет, словно соседку Людмилу из двенадцатой квартиры, что ему проходу не давала, все женить его на себе мечтала, как "обделенного женским вниманием вдовца с квартирой". Она ему внимание, он ей метры! Ха, разбежалась... Вдовцом Аркадий Иванович помирять собирался. Решено и точка.

Лампа оказалась вполне интеллигентной и не навязывала себя вовсе. Пристроилась скромно на углу письменного стола и молча поглядывала в окошко. Погодой интересовалась, нет ли дождя. А хозяин лампы читал подле газетку и чаек тянул из кружки. Его погода не волновала совершенно.

Так и присматривались друг к другу с месяц. А потом вдруг будто стукнуло чем Аркадия Ивановича. Принял ее как родную. Принялся рассказывать ей по вечерам про военную молодость, про жену Галюшку, про умершего в детстве сыночка Борюню. Все выкладывал ей до доньшка, до слезинки последней. А лампа вежливо слушала, не моргая, не отвлекая ничем. Слушала и думала – сколько же горя люди в себе прячут... Ей становилось немного совестно, что в ее настольности не было ничего трагического, одни только дожди за окошком.

Две Маши и одна Вера

Они лежали рядом. Маша и Маша. Две Маши рожали в одной предродовой, одновременно корчась в затажных и болезненных схватках. Изредка к ним подходила сонная недовольная акушерка Вера, чтобы измерить сердцебиение плодов. Уползая обратно в недра своей теплой берлоги, таившейся за белой пластиковой дверью, Вера бурчала: «Рано еще!» А добравшись до родильной кровати в соседнем пустом родблоке и прикрывая покрасневшие – то ли от ночного бдения, то ли от слез – глаза, она добавляла: «Рожать не умеют, а все туда же...»

Своих детей у Веры не было. Не сложилось. В основном потому, что не от кого. От Семена Николаевича, который жил у нее иногда, если жена скандалила и выгоняла его из дома, невозможно – у него уже три дочки, и, кажется, еще внебрачный сын. От соседа Женьки, заходившего иногда на жизнь пожаловаться, тем более – он пьяным не бывал только в больнице, когда лечил измученную печень. А больше и не было у Веры никого. Все-таки сорок стукнуло, да и красотой Вера не блистала никогда, даже во младенчестве, если верить ее матери. Единственная неразделенная влюбленность, тайная страсть, застывшая навечно в виде стопки толстых тетрадей, испещренных скошенными буквами признаний, закончилась плачевно – на выпускном ее любимый «В.» целовался у всех на глазах с другой девочкой, красивой и загадочной. А Вера рыдала в туалете, проклиная любовь, мужчин и собственную уродскую внешность. Акушерская практика из профессии постепенно начала превращаться в саднящую язву на жизненном пути. Кричащие роженицы все чаще смотрели ей вслед с оскорбительной жалостью, шестым чувством ощущая Верино клеймо нерожавшей самки. «Чему она тут их учить будет?!»

«Чему она нас тут...», – процедила сквозь зубы на очередной длинной схватке Маша, злобно посмотрев вслед хамской тетке сквозь спутанные волосы, прилипшие ко лбу. Боль разламывала спину на части и проползала к низу живота, цепляясь острыми крючьями за ребра. Машу предупреждали – третьи роды непредсказуемы, опыт не поможет, все равно придется мучиться как в первый раз. Мишка и Гришка родились легко, без разрывов и осложнений. Сыночки радовали Машу с самого начала, с первого крика, с первой улыбки. А дочка вот что-то решила повредничать, помучить маму. Пять часов схваток и никакого прогресса. Раскрытие три пальца – куда с ним «ехать»? Кесарево в Машины планы не входило. Полулежа на твердой кушетке, замурованная белым кафелем от пола до потолка, глядя в квадратик маленького замазанного краской окошка, она пыталась вспоминать вчерашний вечер. Домашний ужин, пироги с капустой, лицо вечно уставшего на работе мужа и двадцать четвертую серию «Ефросиньи». К сорока годам Маша поняла – счастье заключается в простом ежедневном благополучии. И никакие мечты про принцев не изменят этой истины. Она вышла замуж за одноклассника – настоящего дружбана, надежного парня, который своих не бросает. И не пожалела ни разу. И была счастлива. И в гробу видела прогулки под луной, стихи на розовых открытках и нижнее белье в подарок на восьмое марта. Один единственный поцелуй на выпускном вечере все ясно определил.

«Не обращай внимания, она каждый день слушает, как мы орем, оглохла, зачерствела, а иначе невозможно здесь работать» – рассуждала в перерыве между схватками другая Маша – коротко стриженная, с тонкими запястьями и лодыжками, выдававшими изящность прекрасного, еще юного тела, существующую будто бы отдельно от круглого необъятного живота. Первые роды в тридцать, без мужа и мамы. «Это сумасшествие!», – сказала бы Машина бабушка, будь она жива. Но бабушка умерла, выполнив главную миссию – поставив на ноги единственную внучку. Маша неплохо водила машину, прилично разбиралась в компьютерном софте и сносно говорила на английском, французском и испанском. Она не просто стояла на ногах, но и резво бегала ими каждый день на работу, обеспечивая себе комфорт. Если бы не подкосивший

ее карьеру роман с начальником, закончившийся неожиданной беременностью, Маша сейчас готовила бы новый проект в Греции, ощущая приятную прохладу морского бриза из распахнутого по-европейски уютного окна. Но случайности для того и существуют, чтобы переворачивать порядок вверх дном и превращать его в беспорядок. Маша выгнулась на схватке, закрыла глаза и попыталась не кричать хотя бы секунду. Тревожные мысли атаковали Машу, прежде чем утащить ее в полное забытие: «Зачем я это делаю? Я боюсь детей! Не знаю, что с ними делать?!» Если бы Вениамин Николаевич не остался у нее однажды, после того, как подвез с работы, ничего бы и не было. Сколько раз Маша собиралась разорвать эту ненормальную липкую связь, сколько раз пыталась строить с ним только деловые отношения. Даже однажды завела себе другого любовника, чтобы избавиться наконец от наваждения. Но не помогло. Никого лучше Вениамина придумать было нельзя. Он умел вскружить голову: прогулки под луной, стихи на розовых открытках и нижнее белье в подарок на восьмое марта. Каждый раз, целуя его, обнимая, читая его нежные письма в электронном ящике, Маша понимала – это мерзко, порочно, и обязательно плохо закончится. Но вечно все неприятное правильное хочется отложить на потом, чтобы не портить приятное неправильное. Кто виноват, что Маша встретила его уже женатым? Он? Маша? Его жена?

О своей жене и сыновьях он никогда ничего не говорил. Со временем Маша начала думать, что их и не существовало никогда в природе. Просто Вениамин иногда хочет отдохнуть от всех, побыть один. Она внушила себе, что жена и дети – фантом, за который он прячется. Чтобы не усложнять отношения. Чтобы не быть обязанным. Чтобы не думать ни о чем. Она приняла его без попыток разобраться, безусловно и абсолютно бескорыстно. Как принимают осенью неизбежный дождь...

Две Маши лежали рядом в одинаковых проштампованных сорочках, на одинаковых выцветших кушетках и по очереди вскрикивали, мычали, орали, стонали. Вера проклинала их вой, их женское счастье, их мужчин, потому что у самой Веры этого ничего уже никогда не будет. Она не подозревала, что ее любимый «В.» сейчас, в это самое время, сидел в прохладном кабинете в кожаном директорском кресле за новеньким полированным столом. Заперев дверь, выключив все телефоны, закрывшись от любых попыток проникнуть в его логово, Вениамин Николаевич пил дареный американскими партнерами виски, размышляя над тем, как жить дальше. Жена Маша и любовница Машенька рожали ему детей, не подозревая, как тесно они теперь связаны с ним и друг с другом. Тугой узел неизбежных погрешностей судьбы затянулся на его шее, не оставив надежды выжить. Он вставал, бродил из угла в угол, натыкался взглядом на причудливую пепельницу из редкого тропического дерева, подаренную Машенькой, на фото жены Маши в обнимку с Гришкой и Мишкой, закуривал, гасил сигарету, снова закуривал. И плакал. От ощущения невыносимой безысходности...

Портрет Златокудрого

В местной администрации города Железногорска, а именно в приемной мэра, висит портрет Ивана Ивановича Златокудрого. Еще с дореволюционных времен. В былые времена сей обшарпанный тщедушный домик был всего лишь флигелек дворянской усадьбы Чеботаревки.

Статский советник Чеботарев Михаил Ксенофонтович весьма интересовался живописью. Жена его Анна Петровна иногда даже сама бралась за кисти, но ни одного ее натюрморта в доме не оставляли. Раздавали в дар сиротским приютам. Однажды Михаил Ксенофонтович пригласил в дом настоящего мастера, известного на ту пору портретиста, Ивана Златокудрого для преподавательской, так сказать, деятельности – поучить Аннушку основам. Поджарый, крепкий, молодой и вовсе не златокудрый, а вопреки фамилии, повыцветший шатен, Иван Златокудрый с радостью бросился в омут с головой. Ежедневные обеды и ужины, чарующие фортепьянные вечера, феерические этюды на природе совершили естественное и вполне объяснимое чудо – Аннушка влюбилась в своего учителя. Втрескалась самым неподобающим и неприличным образом. Муж, конечно же, обнаружил сей моветон. Решив по такому случаю поступить, как человек чести и как дворянин, он вызвал Златокудрого на дуэль.

Бедная Аннушка узнала об этом от Златокудрого и бросилась к мужу. Бухнулась в ноги и целую ночь умоляла о прощении, о немедленном отказе от невероятнейшей ошибки – убийства невинного и талантливого человека. Аннушка была уверена – если дуэль состоится, муж непременно застрелит несчастного Ивана. Она с ужасом представляла страшную картину, где ее возлюбленный лежит распростертый в поле, в его великолепном высоком лбу зияет кровавая дыра от пули, мертвые глаза устремлены в небо, и детская чистая улыбка застыла на припухших от поцелуев губах...

Самое интересное, и сам мастер представлял себе аналогичную картину. Перспектива пули во лбу его мало радовала. В канун назначенной дуэли, пока Анна уговаривала мужа, Златокудрый рвал на себе волосы и ругал себя за легкомысленность и глупость. Что за бесы напали на его трепетную душу и куда завлекли на погибель? Зачем было крутить шашни с женой на глазах у мужа?! Любой на его месте рассвирепел бы. «Я на его месте собаками затравил, шкуру спустил бы... А он видишь благородство показывает – дуэль!» – рассуждал про себя маэстро. Дабы скрасить свое безвыходное одиночество, устремленное к ужасу скорой гибели, Иван взял кисть, укрепил холст и принялся за автопортрет. Он пытался вложить в него все свое раскаяние, все осознание собственной низости. Слезы отчаяния иногда падали на носатые щеголеватые ботинки, пока на холсте рождался совершенно новый, незнакомый Иван Иванович. Ни щепотки гордости, ни капли самомнения не оставил в новом себе Златокудрый. Желая подчеркнуть изменение в душе, стараясь усилить болезненность перемены, художник изменил естественный цвет волос на золотисто-рыжий. Маменька говорила – именно такие они были в его раннем детстве.

Наутро Аннушка обнаружила в комнате вместо возлюбленного лишь его автопортрет. Просветленный лик, полные благородства и раскаяния глаза, пронизанные душевным прозрением венчали и без того великолепный образ. Сам маэстро исчез, оставив небольшую записку. «Прости. Удаляюсь от мира сего навеки. Прощай, Анна.» Михаил Ксенофонтович забрал портрет, отнес в поле и прострелил в нем с тридцати шагов аккуратное отверстие. В самом благородно оттененном лбу. Аннушку он через месяц отослал к тетке в Саратов, где потом она, поговаривали, скончалась от тифа...

А портрет с тех пор висит во флигельке. При советской власти один сердобольный завхоз взял, да и замазал дырку во лбу светлой замазкой. Издали не видно. Спрашивается – ну и что? Что такого, ну висит себе... Подождите. Вы еще не видели мэра Железногорска Ивана Ивановича Пригорина. Он ведь не просто так портрет бережет. На главной стене держит. Они ведь

просто одно лицо! И нос, и глаза, и усики. А волосы рыжие – в ноль! Портрет не подписан. Так что мэр с чистым сердцем всем говорит, что это, мол, его благородный предок, хозяин усадьбы, статский советник Чеботарев Михаил Ксенофонтович. Собственной персоной. Электротат пищит от восторга! Знал бы Михаил Ксенофонтович, что так его благородство обернется – себе бы пулю пустил, честное слово...

Встреча

Когда женщине плохо, она может поплакать. Мужик – напиться. Бывает и наоборот. А мне не просто плохо. Мне никак. Это еще хуже.

Поплакав и напившись, сижу на облупленном подоконнике тухлого подъезда. В ожидании. Той самой пресловутой мысли. Да, да. О самоубийстве.

За стеклом глухая стена осеннего дождя. Сигаретки стреляет мокрый бродяга. Я затягиваюсь ментоловым дымом, пускаю сизые кольца. Скучаю с наслаждением.

Проблема – не могу мечтать. Совсем.

За меня мечтают предки. Раз уж самой не дано. В три года они мечтали мне купить велосипед, в десять – пианино, в двадцать два – диплом, в двадцать пять – квартиру. Все свои мечты они осуществили. Теперь я должна им зятя и внуков.

В моем существовании смысла нет. Ни на грамм. Прекратить то, в чем нет смысла, вполне логично. Но самоубийство – это конкретная цель. О нем необходимо какое-то время помечтать. Полюбить идею. Для меня все это невозможно. Лень.

На улице быстро темнеет. Многоглазое черное чудовище с тупой ухмылкой ждет зрелища. Да, да. Моего прыжка к нему в пасть. Все как обычно: декорация меняется, а тоскливая пустота остается.

Вижу силуэт. В доме напротив. На подоконнике тоже кто-то тоскует. Женщина. Волосы длинные. Ой, она меня видит! Машет рукой.

Отворачиваюсь. Закуриваю новую.

– Надо здоровье беречь.

Голос раздался неожиданно. Я вздрагиваю и поворачиваюсь к лестнице. Силуэт пришел. Девчонка какая-то. Еще несколько секунд соображаю. В ужасе начинаю медленно сползать с окна. Что-то знакомое в голосе. И фигуре. Так это же я! Голос мой. Волосы, голова, ноги. Все мое. Там стою я! Но нет. Стоп. Я же тут.

Инстинктивно хлопаю себя по джинсам, майке. Зачем-то щупаю лоб. Роняю на пол пачку с последними двумя сигаретами. Поднимаю. Снова роняю.

– Да не дергайся так, – произносит силуэт.

– Ты кто? – я слегка заикаюсь.

– Ну, хватит в обморок падать. Все нормально. Я – это ты, – моя копия в плаще процокала каблучками по лестничной клетке и подняла пачку от сигарет, – только в будущем.

– А я вообразила, что ты тайная сестра-близнец. Как в мыльных операх.

– Ха-ха. Нет. Я – это ты. Только через три года. Понимаешь?

– Не очень.

Закуривает одну из двух последних. Я смотрю на ее отражение в темном стекле. И думаю, зря я так надралась кьянти, достаточно было поистерить немного и все. И с курением пора завязывать. Иначе мысль о самоубийстве потеряет смысл. Я просто сделаю это медленно, через фильтр!

Декорация снова меняется. Незаметно. Сама собой.

Диван, журнальный стол и торшер в моей гостиной. Или в нашей? Нас двое. Не могу привыкнуть.

Я мысленно так и называла ее – Силуэт. Силуээээт. А что, отличное женское имя. «Привет, Силуэтка!»

– Давай по порядку. Я плохо соображаю. Напилась зачем-то, – бормотала я, стремительно трезвея, – Хотя ты же в курсе! Ты все про меня знаешь.

– А ты про меня нет.

– Расскажешь? – нервы предательски натягивались, обнажая отсутствие терпения.

– Я здесь не для этого. Хочу попросить, – Силуэтка вытянула ноги, откинулась назад и расположилась как у себя дома, – не выпендривайся и сделай уже это.

– Сделать что?!

– Ну, что ты тянешь резину? Треться в подъезде, мысли перебираешь. Прыгай уже давай. Сделай это. Технично. Просто. Естественно.

Как она хороша! Я на себя прямо не похожа. Что делают какие-то три года с человеком! Маникюр, каблучищи, цвет волос чуть глубже уходит в каштан. А как волосы лежат! Это на меня не похоже. Что же произошло за три года?!

– Так. Слушай. Я чего-то не понимаю, сестренка, ты на что намекаешь? Удавить меня хочешь? Чтоб наследство хапнуть? – я несла бред в ответ на еще больший бред. Инстинктивная защитная реакция.

– Ты знаешь. У меня мало времени, – она глянула на мои любимые старинные часы хозяйским скольльзящим движением глаз, – у меня всего-то осталось тридцать четыре минуты.

– Окей. Говори быстрее тогда. Не стесняйся. Здесь все свои.

– Если в двух словах, то нам с тобой обоим выгодно, чтобы ты прыгнула из окна как можно быстрее. Вот и все собственно.

– Зачем? Тебе зачем? И мне? Ничего не поняла, – достав из закровов коробку конфет, я с яростью разорвала упаковку. Засунула в рот сразу две. – Кофе бушь?

– Да ты не бойся. Я не желаю сама себе зла. Это нелогично! Ты не умрешь. Просто стукнешься головой, полежишь в коме полгодика и все. Дальше все сложится просто отлично! Да ты, дуручка, от своего счастья бегаешь. Там в больнице такого парня встретишь! Влюбишься, замуж выйдешь. И главное – у тебя появится мечта!

– Свадьба коматозников. Оригинально! А тебе это зачем? Ты ж уже прыгнула? Полежала? Я причем?

– Понимаешь, тут такое дело. Я хочу, чтобы это чуть пораньше у тебя произошло, чем у меня. Хотя бы на год. И ты не наделаешь за этот безумный год глупостей, которые наделала я.

– А что ты за меня беспокоишься?

– Я не могу рассказывать все. Иначе не получится. У тебя должен быть выбор в определенных рамках. Все поймешь, когда в моей шкуре окажешься через три года! Лучше сделай, что говорят. И все.

Интересно, мысль задушить Силуэтку считается суицидной?! Мне хочется выбросить ее с балкона немедленно. Пусть еще в больнице мозги подлечит. От нервов меня трясет. Дрожащая рука каждые три минуты тянется то за конфетой, то за сигаретой. Чтобы хоть как-то отвлечься, иду варить кофе.

Из дурацкого чувства противоречия дико захотелось еще пожить – посмотреть на этот балаган с комой и любовью в больнице. Ха-ха, ну и ерунда.

Вернувшись в гостинную, обнаруживаю Силуэтку не сразу. Она теперь силуэтилась за письменным столом. Чирикает что-то на открытке. Устало падаю в кресло, пью обжигающую кофейную лаву мелкими глотками.

– Что пишешь?

– Твою предсмертную записку.

– Ха-ха. Почему на новогодней открытке?! Подумают, что я была "с приветом", – кофе распространяется по организму бодрящей радостью, – Ты знаешь, не смотря на абсурдность ситуации, у меня есть идея! Это твой шанс. Единственный.

– Ну? – невозмутимо продолжает писать.

– Можем поменяться.

– Как это? – кривая улыбка ложится неудачным мазком на мой ходячий портрет.

– Да элементарно! Ты остаешься здесь и делаешь, что угодно. Хоть с балкона прыгай, хоть со шпиля Кремля. А я – туда махну, к тебе, в будущее. На три годика вперед запрыгнуть – это ж спасение от тоски похлеще суицида. В миллион раз. Давай даже так – это будет сделка!

Силуэтка задумалась. Уж что-что, но не дура она, это я точно знаю. Конечно. Три года прожить заново и совершить самоубийство, когда точно знаешь, что за этим последует, не слабое решение. Но прыгать сама ради смешных сказочек про будущее счастье, я тоже не собираюсь. Ну давай-давай, соображай! Боже, неужели я так буду краситься? Кошмар.

– Я согласна, – Силуэтка привычным движением открывает дверь на лоджию, за несколько секунд снимает туфли и забирается на перила. Ветер с дождем безжалостно уничтожают стильную прическу. Глаза ее лихорадочно блестят. Может я просто с ума сошла через три года? Не хотелось бы.

– А как я попаду? Туда?

– Осень 2013-го. Его зовут Влад.

Как только перила балкона опустели, я поняла, что теряю сознание.

Открываю глаза. Незнакомая комната крутится против часовой стрелки с такой скоростью, что невозможно ни за что зацепиться взглядом. Закрываю глаза обратно. Мутит. Ой, и тошниииииит.

Слышу у себя за головой голоса.

– Несистемное головокружение. Вестибулярный пострадал после тех травм. Ерунда. И обмороки еще будут, не пугайтесь. Организм восстановится. Нужно время.

– Хорошо, спасибо. А то мы уж перепугались, сам понимаешь, – извиняется мягкий баритон.

– Окей. Вот рецептик. Если что, я на связи. Пока, Владик, – фальшиво сочувствует противный фальцет, – Береги жену.

Голоса спешно перемещаются и удаляются. Хлопает дверь.

Один возвращается.

– Как же ты меня напугала, заяц ты мой, – большая горячая рука гладит меня по волосам, перемещается на лицо, мизинец нежно касается лба, скользит по переносице.

– Да. Я и сама себя напугала, – голоса нет, приходится отвечать мысленно.

Снова пытаюсь прозреть. Изображение перестало вращаться. В голове все дергается, как будто еду на поезде.

Неизвестный по имени Влад берет мою руку и покрывает нежными поцелуями. Фокусируюсь на его затылке. Очень короткая стрижка, как у морпеха в новомодном фильме. Теперь, в две тысячи тринадцатом, наверное, безнадежно устаревшем. Мощный торс. Приятные черты.

Наслаждаюсь догадкой, что это мой муж. Значит, все получилось! Я прыгнула на три года вперед. А Силуэтка валяется снова в коме. За меня. Укол совести окончательно включил меня в новую реальность.

Прошло много дней теплого уютного благополучия. Влад оказался не просто любящим мужем, но и владельцем неплохого бизнеса в Швеции. Тихий город Мальмё стал родным с первой велосипедной поездки по окрестностям.

Оставалась одна проблема. Вырезанные три года жизни сказывались самым подлым образом на душевном комфорте. Я украли чужого мужа и чужое счастье. Просто так. Из любопытства.

Сегодня ровно год, как я нахожусь в пожизненной тюрьме не своей жизни. Сажу на полу в комнате. В ЕЕ комнате. Почему Силуэтке так необходим был сдвиг на год? Навязчивая идея понять доводила до исступления.

Я знаю, есть дневник. Всю жизнь его веду. С двенадцати лет.

Перетряхиваю фотографии, книги, вещи. В пыльной коробке, закинутой когда-то на антресоль, нахожу потертые тетрадки. Вот! Вот он! Наперстник заблудшей души! Привет, родной.

Вчитываюсь в знакомый почерк. Судорожно листаю. Трясусь от нетерпения.

Передо мной разворачиваются три года жизни. Моей неиспытанной судьбы. Сколько боли, сколько любви, и... мечта! У меня появилась мечта. Точнее у нее. Она хотела родить ребенка!

А вот еще кое-что.

«11.06.2012. Не знаю, куда деть эту адскую боль безысходности. Не могу жить. Врач говорит, что все очень плохо. И я никогда не смогу родить. Милый, любимый мой Влад. Как мне сказать тебе это? Как я посмотрю тебе в глаза?»

Картина проясняется. Она сделала два аборта. Как раз в тот злосчастный год, который ей так хотелось исключить из жизни. Трудный пазл поддался. Оставалась одна деталь – КАК? Как она попала в прошлое? Если это возможно, то...

Додумать не успеваю. Из дневника выпадает открытка. Та самая, новогодняя. Разворот испещрен мелкими круглыми буквами:

«Прости. За провокацию. За игру твоим обостренным чувством противоречия. Оно и мое тоже. С самого начала это была моя идея. Поменяться. Ты жаждешь знать, зачем?»

Я ухожу. Ради Него. И дарю Ему тебя, а значит и счастье быть отцом. Заклинаю тебя, прошу, будь с Ним! Ты полюбишь. Поверь. Даже если сегодня этого еще не случилось.

Шанса выжить второй раз у меня не будет. Сознательно умолчу о перемещении во времени, чтобы ты не вздумала повторить этот смертельный кульбит. Думай только о настоящем!»

Строчки поплыли. Я начинаю задыхаться. Захлебываюсь волной подкатившей истерики. Чувствую, что теряю сознание...

Чертовщина какая-то

В приемной мэрии было тихо. Гул вентилятора создавал ауру напускной легкомысленности в столь серьезном учреждении. Поток прохлады будто напосылал посетителям – ничто человеческое представителям власти не чуждо, они так же потеют и страдают от жары, как и простые жители этого славного города. Кожаные диванчики в холле были пусты, прием посетителей еще не начался. Мэр города, Всеволод Иванович, наслаждался ароматным кофе с булочкой у себя в кабинете. Перед его глазами на письменном столе лежал журнал с кроссвордом, над которым он напряженно завис. В распахнутое окно незаметно проникал аромат летнего утра, обещавшего невыносимую жару.

Всеволод Иванович особенно любил две вещи – разгадывать кроссворды и принимать посетителей. И то, и другое он исполнял виртуозно. Заполнив последние шесть пустых клеточек словом "суккуб", мэр удовлетворенно вздохнул и захлопнул журнал. Над этим словом пришлось помучиться. "Демоническая сущность женского пола, нападающая на человека во сне". Седеющий, но достаточно подтянутый для своего возраста, мэр мечтательно потянулся в кресле, растопырив руки и ноги. Суставы в коленях громко щелкнули. Подойдя к окну, мэр выглянул во двор и полюбовался недавно приобретенным для нужд городской администрации новеньким лэнд ровером. «Боже, как же хорошо жить в любимом городе, где помнишь каждую подворотню, дым первой сигареты, кровь первой драки и поцелуй первой любви», – медленно перетекли романтические мысли закоренелого чиновника «из пустого в порожнее» – из свободного от любви сердца в опустошенную бессонницей голову.

Ровно в девять пришел первый посетитель. На бледном нервно подергивающимся лице было написано, что он битый час ждал на улице возле закрытых дверей, пока мэр допьет свой "мэрский" кофе. Многолетний отец, известный в городе скандалист и вымогатель, третий год судился с муниципальной властью за положенную ему четырехкомнатную квартиру. Длинный и сутулый, как уличный фонарный столб, посетитель не желал садиться на диванчик и ждать. Он рвался в бой:

– Позволите? – просочившись в кабинет, ядовитым тоном поинтересовался многолетний.

– Милости прошу, – добродушно согласился Всеволод Иванович.

– Я в который раз желаю поинтересоваться, – мгновенно вскипел многолетний, бледнея и покрываясь испариной, – доколе, я вас спрашиваю, мои дети будут ютиться на улице Коминтерна в общежитии, когда им положена квартира в новостройке на улице Пирогова?! Вы нам обеспечите человеческие условия, в конце-то концов?!

Мэр внимательно выслушал беспокойного гостя и вдруг спросил:

– Слушай, а ты знаешь, кто такой суккуб?

– Нет, и знать не желаю, и по какому праву вы мне тыкаете? – злобно ответил многолетний. Он устал стоять и уселся на стул.

– Была у меня одна дама, до сих пор вспоминаю с дрожью в сердце – глаза, талия, ну ты понимаешь...

– Вы мне зубы-то не заговаривайте, мне квартиру надо, у меня дети.

– Слушай, давно собираюсь спросить, – очнувшись от воспоминаний, сказал мэр, – Зачем ты столько детей настрогол, если жить негде? Нет, мне просто любопытно! Получишь жилье, а дальше? Думаешь, я не понимаю, чего ты мозг мне выгрызаешь? Да ты детей своих в глаза не видел уже года полтора, и живешь у сожительницы какой-нибудь. А жена твоя одна пятерых тянет, унижается за каждый рубль. Что ты права-то качаешь? Ведь получишь квартиру – тут же побежишь разводиться и делить имущество!

– У меня дети, – пытался возразить многодетный отец. Не найдя более весомых аргументов, поерзав немного на стуле, он ушел, хлопнув дверью.

– Сволочь! Лицемерная скотина, – обругал дверь Всеволод Иванович.

День неторопливо тянулся, одаривая главу города гостями. Пенсионеры, одинокие матери, работяги, бюджетники. Контингент однообразный, ничего впечатляющего. Но вдруг в кабинет вошла молодая особа явно не местного происхождения. Глава города встрепенулся, глаза загорелись неподдельным любопытством.

– Можно? – спросила она, оставаясь все еще в нерешительности.

– Милости прошу, да-да, проходите, присаживайтесь.

– Благодарю, – сказала девушка и села на краешек стула.

Всеволода Ивановича до костей пробирало желание узнать, что могло привести эту сказочную нимфу в скучный кабинет чиновника. Темные глаза незнакомки завораживали и манили в омут...

– Я пришла, чтобы предупредить, а точнее, попросить.

– Ко мне все приходят просить, знаете ли... С удовольствием помогу.

– Городу угрожает серьезная опасность.

– Апокалипсис? Я в курсе, – пошутил мэр, вспомнив, что как раз сегодня в мире ждали конца света.

– Я нашла дневник своей бабушки. Она была известной колдуньей... Я вообще наполовину цыганка. Так вот, там есть некоторые предупреждения. В ближайшее время в городе произойдет что-то невообразимо жуткое. Вы понимаете? – девушка сильно волновалась и говорила слишком быстро. Тонкие черты ее холеного нежного лица обострились.

– Не вполне, – Всеволод Иванович с наслаждением слушал ее слегка дрожащий голос, вглядывался в лицо, рассматривал узкие ладони с длинными тонкими пальцами, которые безумно хотелось целовать. У него возникло непреодолимое желание обнять незнакомку и сказать шепотом на ушко: "Милая, не бойся никаких бабушкиных сказок, я с тобой, я для тебя сделаю, что захочешь: умру, выживу, продам душу дья..."

Очарованный мэр слабо понимал смысл происходящего и ловил себя на непреодолимом желании соблазнить эту чаровницу.

– Если вы не успеете принять меры, городу грозит катастрофа.

– Что же делать? Давайте спасать город вместе! – расплывшись в глупой улыбке, предложил Всеволод Иванович.

– Вы смеетесь, – грустно заметила она и замолчала, слегка смутившись.

Мэр вальяжно достал из ящика массивного письменного стола визитку и протянул девушке. Она выхватила ее и спешно выпорхнула из «ловушки».

Всеволод Иванович прошелся по кабинету и глянул в окно в надежде увидеть ее еще раз. Простоял у окна минут двадцать, но никто из здания не вышел.

"Чертовщина какая-то", – снова обругал дверь Всеволод Иванович.

Ночью мэру не спалось. Он снова и снова прокручивал странный разговор с цыганкой. А вдруг она не сумасшедшая? А вдруг это не бред? Почему он не выяснил все до конца? Что за беда, откуда придет? Толком ничего не понял и отпустил ее!

"Идиот, просто идиот", – ругал себя вконец истерзавшийся сомнениями глава города. Он чувствовал себя предателем, воображал страшные картины, как весь город скоро его возненавидит и пожелает отмщения. Мэру казалось, что вот-вот его объявят главным виновником страшной катастрофы, и он окажется один на один с разъяренной толпой "однообразного контингента". Жители бросятся бить его, выдавливать глаза, рвать тело в клочья...

"Очи черные, очи жгучие", – крутился в голове романс. Всеволод Иванович не заметил, как погрузился в болезненно-тревожный сон...

Тень огромной летучей мыши скользнула в спальню. Нежным голосом цыганской красавицы она тихонько позвала, распевно выводя в ночном полумраке странное имя: "Антооооооннннн, Антооооооннннн..." Во сне Всеволод Иванович этому не удивлялся. Появилась уверенность, что он действительно "Антон". «Цыганка почувствовала зов страсти и явилась», – думал он во сне.

Голос существа гипнотизировало, затуманивало сознание. Цыганка расправила над жаждущим любви перепончатые крылья и превратилась в обнаженную красавицу с бледной перламутровой кожей, изящным телом, извивающимся от вожделения. Она напала на обезумевшего мэра, словно голодный вампир, будто суккуб, измученный воздержанием. Желание покориться неминуемой лавине нарастало внутри, пульсировало напряженными сосудами, трепетало натянутыми нервами, готовыми порваться от неимоверного возбуждения.

Всеволод Иванович потерял голову. Трепетно прикасаясь к теплой гладкой коже своей возлюбленной, он пытался не торопиться и ловить восхитительные секунды, растягивая их, словно текучие, вязкие медовые нити, в долгие часы упоения. Он водил пальцами по изящной спине, улавливая малейшие изгибы, ощущая плавность каждой линии стройного тела.

Но вдруг в решающий момент в спальню ворвалась толпа людей!

Несколько десятков разъяренных граждан парой мощных ударов высадили дубовую дверь холеной опочивальни главы города и, невзирая на происходящее, выкрикивая проклятия и грязные ругательства, пригрозили немедленной расправой. Всеволод Иванович не сразу сообразил, что случилось. Впопыхах он завернулся в простыню и пытался нащупать хоть какую-нибудь одежду. Его громогласные «Прекратите!» и «Что здесь, черт побери, происходит!» тонули в какофонии сиплых чужих голосов.

Распутывая логические узлы истерзанных страхом мыслей, мэр вспомнил про цыганку и удивился, что она никак не реагировала на бред, который творился вокруг. Пошарив в полумраке по постели, он смог обнаружить только влажную плоть, не подающую признаки жизни. Влажную... Влажную? Почему столько влаги? Мэр не мог понять, почему вся постель стала настолько мокрой?! Инстинктивно сжав несколько складок одеяла в руке, он увидел темнеющую на фоне окон струйку, черную и густую, вязкую, словно кисель. Разметавшееся тело цыганки оказалось истерзанным и изорванным на куски. Из ее шеи выплескивались новые и новые потоки пульсирующей крови. Обыкновенной человеческой крови...

Язык прирос к небу от ужаса, из горла Всеволода Ивановича сам собой вырвался дикий животный рык. Мстители восприняли его как сигнал к атаке и с бешеной яростью принялись рубить и разрывать тело бывшего главы. От неукротимой боли Всеволод Иванович проснулся. Его выбросило на берег, как полудохлую медузу.

Вокруг было тихо. Ровный матовый свет заполнял большой зал, в центре которого оказался выпавший из кошмара мэр. Он почувствовал под собой твердую прохладную поверхность, похожую на операционный стол. Попытавшись шевельнуть рукой, мэр понял, что крепко привязан ремнями. Он был совершенно голым, к голове были подключены провода, в вены воткнуты катетеры. Вокруг стояли люди со скорбными лицами. Если бы они были в белых халатах, мэр был бы уверен, что он в больнице. Но люди были одеты строго официально.

Один из присутствующих, одетый особенно торжественно, в светло-горчичном костюме с галстуком-бабочкой под старчески отвисшим подбородком, произнес надрывно и излишне пафосно:

"Дорогие коллеги! Прошу вас обозначить мнение по поводу пациента номер 12344. Анамнез: тяжелая патология, отягощенная паранойей, в послужном списке десять расчлененных жертв сексуального насилия. Больной утверждал, что в него вселялась демоническая сущность мужского пола, которая, находясь в нем, совершала изнасилования в изощренной форме. Пациента направили к нам для экспериментального лечения по технологии трансплантации личности. Автор и руководитель экспериментальной части исследования – молодая специа-

листка Жемчугова Роза Аркадьевна, – старичок с галстуком-бабочкой махнул рукой в сторону, где, судя по всему, должна была стоять молодая специалистка с революционным именем Роза, – Пациент прошел серию процедур, в результате которых произошла полная трансплантация новой личности, заранее смоделированной нейроархитекторами. Только что на ваших глазах завершён процесс виртуального погружения пациента в среду будущей жизнедеятельности. Наша с вами задача – осмыслить результаты и вынести решение, готов ли объект жить без ограничений в реальном социуме?"

Оглядев строгим начальственным взором переминавшихся с ноги на ногу коллег, главный в "бабочке" добавил: "Розочка, прошу, вам слово."

Озябший мэр разлепил отекавшие тяжелые веки и посмотрел в потолок. Из глубины перевернутой вверх-ногами реальности на него смотрел истощенный, костлявый труп, вокруг которого столпились темноволосые, светловолосые, лысые и уложенные на все лады головы. Потолок состоял из квадратиков зеркала, отлично отражавшего новый сон, который готовился вот-вот стать страшной явью. Всеволод Иванович заметил отделившуюся от толпы стройную женскую фигуру и вздрогнул от неожиданности. Красавица-цыганка! Темные глаза, талия, руки... Она!

– Господа. Перед вами не просто маньяк-убийца, не просто психически больной человек. Вы наблюдаете уникальный продукт психотронных технологий нового поколения!

Изящная девушка, недавно скромно стучавшаяся в кабинет мэра, сейчас одухотворенно выступала. В ее голосе звенели стальные струны уверенности и преданности науке, продуктом которой оказался ничего не соображавший пациент, свалившийся с пьедестала главы города в низменную клоаку института психиатрии. – Настоящее имя больного – Антон Антонович Третьяков. Мы произвели полную замену личности! Теперь это уверенный лидер, уравновешенный логик, прожженный сноб. Задачей пробного виртуального погружения было определить, насколько новая личность прижилась и насколько вытеснен поврежденный психический контур. В процессе виртуального погружения пациенту смоделировали высокое социальное положение, накопленный опыт, искусственное прошлое и настоящее. Пациент прожил в виртуальной реальности одни сутки. Также были смоделированы статисты – жители города, с которыми пациент общался, согласно заложенной в него личности. Двое сотрудников были подключены к виртуальной реальности пациента в режиме текущего времени с целью анализа его поведения.

Это был наш главный гипнолог Адам Вольфович и я – руководитель эксперимента.

Цыганка Роза поправила нитку жемчужных бус, и дотронулась до мочки уха. «Волнуется, моя хорошая», – с нежностью подумал мэр. Он ловил каждое ее слово, жест, направление взгляда. Она ученый?! Она создала модель личности и запихнула в его тело, как будто подушку в наволочку! Невероятно! То есть, он уже не был он, он был кто-то иной.

– Итак, коллеги, все понятно? Не будем терять драгоценное время. Роза, начнем с вас, раз уж вы уже на трибуне, – рулил обсуждением обладатель галстука-бабочки, – Вы общались с подопытным. Ваше мнение?

– Совершенно никакой перспективы, на мой взгляд, – упавшим голосом сказала Роза, продолжая теревить бусину, рискуя порвать нить, удерживающую два десятка великолепных молочно-белых шариков.

– То есть, номер 12344 подлежит утилизации, правильно я вас понял? – торжественно воскликнул лидер консилиума

– Однозначно.

– Ваши аргументы?

– Я пыталась сбить объект с накатанной схемы общения, намеренно затронула заблокированные зоны, ведущие к его прошлому. Дело в том, что одна из его жертв была цыганкой. Из-за нее жители города, возле которого находился табор, чуть не свершили самосуд. Но пациент смог скрыться от разъяренной толпы. В последствии он утверждал, что сидящий в

нем демон узнал в юной красавице сородича – суккуба. Поэтому группа нейроархитекторов по моей просьбе внесла в проверочный вариант реальности слово "суккуб" в качестве части кроссворда. Тем самым я пыталась проверить заблокированную тему демонов на прочность. Но судя по сновидениям, последовавшим далее, стало понятно – заблокировать опасные зоны удалось лишь на уровне сознания. Подсознание пациента продолжало генерировать прежние навязчивые образы. Это поставило под серьезные сомнения весь результат трансплантации. Мое окончательное слово – объект категорически не подлежит дальнейшему внедрению в социум.

«Ах вот как, моя лисичка, вот что ты сделала! Все это спектакль, розыгрыш?! Ты манипулировала мной, да еще и виртуально! Умничка моя, прелесть, просто прелесть. Я псих! И меня конкретно лечат все эти отмороженные умники! Великолепные новости!» – силился мыслить логично Всеволод Иванович. Но делать это было тяжело, на мозг воздействовали нейролептики последнего поколения, затуманивая голову, обкуривая здравый смысл душным ядом. Он даже попытался дернуть рукой, чтобы вмазать стоявшему ближе лысому недорослику в синей водолазке по челюсти. Но ремни только сильнее сдавили напряженные жилы и мышцы подопытной плоти.

– Спасибо, Розочка, ваше слово для нас будет особенно значимым. Теперь попрошу высказаться Адама Вольфовича, нашего гениального гипнолога и провидца! Адамчик, прошу!

От толпы отделился высокий и чрезмерно худой ученый. Встав рядом с молодой специалисткой, он оказался на добрых три головы выше нее.

– Мое мнение не настолько категорично. Объект внимателен к моменту, хороший психолог. Умеет наладить контакт в нужной тональности. Все это неплохие предпосылки к... – нехотя начал свою речь гений гипноза, монотонно бубня скучные заумные слова.

– Подождите, ну как же! Вы ему про квартиру, а он вам про суккуба. Это называется "внимание к моменту"?! – взвилась Роза, – Да он же вспомнил одну из жертв, пока вы с ним ругались: была у него одна дама – глаза, талия! А это уже уровень сознания, дорогой мой!

– Прошло слишком мало времени. Подсознание блокируется долго. Я думаю, постепенно оно успокоится, и запретные образы уйдут в недоступные для новой личности слои. Не стоит торопиться с выводами. Свое мнение я выразил – шансы есть, – Адам подергивал головой, пережевывая каждое слово и выплевывая его, чтобы взяться за новое. Мэру он показался похожим на жирафа, обедающего эвкалиптовым кустом. Он даже не смог сдержаться и улыбнулся.

– Спасибо, Адамчик, спасибо! – продолжал тамада в «бабочке», – Голосуем, коллеги, времени мало – действие нейротоксинов заканчивается. Пациент уже все слышит. Мы рискуем довести его до истероидной агрессии или внезапного приступа паранойедального психоза.

Мэр удивился – его считали конкретным психом, причем опасным, судя по ужасу, промелькнувшему в дебрях всей этой клоунады – нового кошмара наяву. «Если бы только это был тоже сон!...» Всеволод Иванович вспоминал запах кофе и вкус горячей булочки с маком и корицей... Он не мог поверить, что эти ощущения ему создали искусственно!

Ученые, столпившиеся вокруг стола, смотрели на привязанного, словно на вскрытый труп, и размышляли, куда его отослать, наконец: в ад или в рай. Некоторые смотрели ему в глаза, другие не могли и сверлили отрешенными взглядами синяк на его плече, катетер, торчащий из его вены, или прыщик у него на лбу. Лампы дневного света грозно гудели, обозначая важность момента, будто барабанная дробь, нагнетавшая страх перед смертельным номером.

– Кто за полную утилизацию материала? – бодрым голосом произнес главный в «бабочке», вскинув руку и глянув на часы.

Роза подняла руку, которую мэру было плохо видно на фоне яркого слепящего потолка, бьющего лампами в глаза. Но он рискнул повернуть голову, чтобы рассмотреть в последний раз ее тонкие длинные пальцы, которые мечтал целовать.

Множество других рук тоже взвилось вверх...

– Принято, – резанул напряженную тишину голос главного. В его руках откуда не возьмись блеснул большой шприц с ядовито-розовым содержимым. Ученый подошел вплотную к пациенту и воткнул иглу в пластиковую трубочку катетера.

«Чертовщина какая-то», – подумал обреченный пациент номер 12344, прежде чем провалиться в небытие...

Плюс, минус или ноль?

- Как ты думаешь, сколько людей сейчас чувствуют себя счастливыми?
- Ну, около трех с половиной миллиардов.
- А несчастными?
- Примерно столько же.
- Что же остальные?
- Ничего не чувствуют, потому что численность населения Земли около семи миллиардов.

Захар задумался, глядя на маленький светящийся глобус, подаренный когда-то Дедом Морозом по личному заказу под бой курантов. Захар чувствовал себя счастливым всего секунду назад, когда думал, сколько людей на свете счастливы! Но тут же расстроился, вспомнив про больных и одиноких. Папа Захара продолжал читать статью в журнале о глобальном потеплении и прогнозах на ближайшие сто лет в аспекте изменения климатических условий на планете. Папу беспокоили перспективы выращивания зерна и стратегических запасов в отечестве гораздо больше, чем процент счастья на душу населения. Маленькая кухня старенькой однокомнатной квартиры не вмещала больше двух желающих пофилософствовать в обществе чайника, поэтому мама удалилась в ванную заниматься бельем. О чем думала мама в ванной, никто не знал. Скорее всего о белье и стиральном порошке, которым следовало бы его постирать. О чем еще могут думать мамы?!

- Пап, а вот если учесть ось времени, тогда как?
- Что как?
- Ну вот минуту назад я чувствовал, что счастлив, а потом расстроился. И так же другие люди. Как тогда посчитать, сколько счастливых, а сколько несчастных?

Папа молчал, будто бы обдумывая сложный вопрос. Не спеша потянулся за чайником, подлил в остывший чай кипяточку и посмотрел рассеянно на Захарку.

- Слушай, дорогой почемучка, ты уроки сделал?
- Ну пап!
- Сейчас на Земле одним лишенным похода в кино станет больше!

Разочарованно промычав что-то вроде "Ну ты же обещал" и "Нам вообще мало задали", Захар побрел в комнату.

И все же, как посчитать, если люди каждую секунду чувствуют что-то новое? Мысль не отпускала и продолжала преследовать пылливый ум. Захар взял листок бумаги и нарисовал круг. Разделил его пополам. Если и правда существует баланс счастья, то как не учитывать, как не считай, всегда происходит компенсация счастья несчастьем! А если нет баланса? И как это вообще определить?

Захар встал и прошелся босиком по ковру от окна до двери, потом обратно. В окне все было серо-белым и холодным. Мелкая крупа сыпала с неба и покрывала человечество сбалансированным ощущением безысходности. Бездомный пес самозабвенно грыз что-то возле мусорки и был абсолютно счастлив! Посмотрев на него, Захар понял, что нельзя считать только людей. Собака также чувствует радость и печаль. Да и птица тоже. Значит все живое может быть в состоянии эмоционального плюса или минуса.

Эта мысль окончательно все запутала. Захар снова сел за письменный стол, за которым уроки делал еще его отец, если верить семейным легендам. Стертая в середине полировка некоторым образом это подтверждала, но вырезанное на оборотной стороне столешницы словечко несколько противоречило образу отца в глазах потомков. "Ни в чем нельзя быть уверенным до конца. И в счастье тоже", – думал Захарка.

Неожиданно в комнату вошла раскрасневшаяся мама. Она присела на диван и улыбнулась.

– Ну что, за уроки взялся? Умничка. Много задали?

– Не очень.

– Скоро обедом вас покормлю.

– Угу, – промычал сын.

– А когда освободишься, сходим погулять! Погодка-то сегодня какая!

– Дурацкая погода, по-моему, – огрызнулся Захар.

Он терпеть не мог, если заставляли идти на улицу. В выходные не хочется никуда идти. И так всю неделю приходится носиться по морозу то на шахматы, то на тренировку, то к другу, то в школу. Жить-то когда?

– Хорошо, посмотрим, – уклончиво сказала мама и отправилась к папе на кухню. Оттуда послышалось недовольное бурчание мужского голоса и шелест журнальных страниц.

Кот Мушкетер сбежал со своего теплого лежбища, устроенного почему-то на кухне прямо возле холодильника. То ли холодильник приятно грел его бок, то ли мысли о еде распалили его воображение – доподлинно неизвестно. Кот упорно валялся прямо на проходе и соглашался сдвинуться с места только ради хозяйки – то ли из уважения, то ли из меркантильных соображений насчет обеда.

Захар потрогал кошачий нос, погладил крупную пушистую голову любимца и снова погрузился в мысли. Чтобы хоть как-то освободиться от потока логических заключений, нужно было сделать вывод, поставить точку на вопросе о счастье человечества. Иначе уроки до завтра не сдвинутся с места. Захар взял новый лист и написал: "Счастье – абсолютный плюс, несчастье – минус. Есть еще третье состояние – когда человек не задумывается, счастлив он или нет. Это ноль." Теперь пришлось исключить животных, они ведь не умеют думать о счастье, а значит у них всегда ноль. Снова остается только человекство.

Начну-ка я с себя. Например, для счастья нужен байк. Если мне его купят, я буду счастлив. Но долго ли? Так уже было с велосипедом, ноутбуком, плеером... Я потом снова чего-то хотел и снова был несчастным, что у меня этого еще нет. Счастье – временная вспышка, и само стремление к ней, в некотором роде счастье. Достижение – в некотором роде несчастье, потому что знаешь – вспышка погаснет. Брррр, как все запуталось! Минус на самом деле может быть плюсом и наоборот. Как теперь считать плюсы и минусы?!

Из кухни послышались голоса на повышенных тонах. Папа недовольно объяснял маме, как ему надоело что-то... Что именно, слышалось неразборчиво. А мама отвечала, что она тоже устала и хочет чего-то неразборчивого. В такие моменты ребенок чувствует тоску, похожую скорее на страшный колючий минус, чем на гладенький ровненький плюс. Захар погрузился. С кухни потянулся запах свежесваренного борща и свежезапекающейся корочки пирога с яблоками. Слаще аромата в жизни Захара не было ничего. Минус незаметно оброс сверху и снизу палочками, нагло превращающими его в плюс.

В комнату неожиданно ворвался папа. Швырнув на пол журнал, он принялся рыться в шкафу. Натянув первые попавшиеся брюки и свитер, распространяя вокруг тучу гневных раздрадованных минусов, папа вдруг сказал:

– Знаешь, сын, ты был прав! Нет никакого баланса. Счастье – туфта на постном масле. Все несчастны, все!

Проводив папину спину до входной двери, услышав жесткий хлопок и треск косяков, Захар сказал встрепенувшемуся Мушкетеру:

– Ты прав, дружище, лучше не задумываться, потому что ноль больше минуса...

Вечером мама плакала на кухне, на том самом месте, где все утро папа читал о глобальном потеплении. Забыв про хорошую погоду и погрузившись в мысли о чем-то своем женско-несчастливом, мама подливала Захарке чай и подкладывала новые кусочки пирога. Кот

Мушкетер занимал захваченное силой и присвоенное на законных основаниях место – единственный путь к холодильнику, прижавшись к нему боком, как к родному. Позой сфинкса родственник тигров и львов выражал свой вечный нейтралитет, спокойный и умиротворенный ноль.

Захар молча поглощал вкусноту и, ощутив наконец чрезмерную сытость в распушем от пирога животе, решил спросить у мамы:

– Как ты думаешь, сколько людей сейчас чувствуют себя счастливыми?

Диван

Решили мы с мужем приобрести диван. Старый совсем разваливался, да и неудобный он во всех отношениях. Свекровь подарила. Как говорится – от всей души! Конструкция тяжеленная, шурупы выпадали с самого начала, обивка собирала все нитки и пушинки, какие есть на свете, пылесос давился пылью, присасываясь к этому чудовищу! И как я это терпела десять лет, сейчас даже не пойму.

Договорились мы с Димчиком в ближайшую субботу ехать в диванный магазин. Есть такой на улице Звенигородской. Начиная с четверга я почувствовала, что нервничаю. К вечеру пятницы меня охватила лихорадка приобретателя недвижимости, как будто покупаю виллу на Гавайях! Трясло от мысли, что уже завтра жизнь круто развернется, и воссияет над головой новый медовый месяц. Ведь диван в доме – вещь священная. От него счастье в любви зависит. И не потому, что спать удобно или скрипит меньше. Аура от него иная может быть! Вот наш старый и разваленный явно нехорошее что-то испускал. Каждое утро голова трещала, бока болели и ноги ватные. Думали – порча. А теперь поняли – аура не та. Муж жаловался на кошмарные сны. Что ни ночь, русалки его кусали или начальник зарплату урезать грозился за частые больничные. Но Димка же не виноват, что часто простужался. Все от неполноценного сна, все от него!

В субботу проснулась в шесть. Как огурчик! Прямо не проснулась, а к новой жизни возродилась. Хотела Димку толкнуть, но потом вспомнила, что магазин все равно только в десять откроется. Кофейку выпила, журналчик с фотографиями диванов полистала. У меня их за неделю много скопилось. Не люблю мечтать абстрактно, хочется конкретики. Димка за мной, помню, романтично ухаживал, в театры водил, пластинки с джазом дарил. А меня раздражало. Ты мне, говорю, конкретно скажи, в качестве кого ты меня на свидания зовешь? А он смущался, краснел. Через месяц предложение сделал. Эх, как объяснить мужчинам, что нам нужна конкретика. Как поженились, свекровь нам и впахнула своего «почти новенького симпатичного» монстра с пружинами во все стороны. А себе взяла в кредит румынскую спальню.

На часах уже восемь. Пора Диму будить. Вдруг пробка на Ленинском как обычно? Муж поднялся с тяжелой головой, подробно описал очередное нашествие ведьм с хвостами и пошлепал в ванную. Дима обожает долго бриться, мыться, намыливаться, приглаживаться и причесываться. Я уже привыкла, хотя после свадьбы меня это, мягко говоря, обескураживало.

– Ну чего там, едем что ли? – на кухне поинтересовался вымытый до блеска супруг, потягивая кофе с имбирем, – Если все в силе, то надо выходить.

– Я готова, милый! – ехидно пропела я, изображая не то Мерлин Монро, не то Анжелину Джоли. Я же знаю, что с момента моего заявления до выхода пройдет еще целая вечность, пока мой дражайший выберет рубашку, оценит чистоту брюк, выберет пару носков, вычистит ботинки и найдет себе непременно свежий платок.

Наконец, звездный час настал. Вернее сказать, диванный. Ровно в десять утра мы оказались в царстве уюта, декора, антуража и мебельной эйфории. Приятная девушка Вика предложила помощь. Улыбнулась, поцокала каблукочками по залу, мы за ней. Монотонный голосок распевно хвалил брэнды, мы захлебывались фантазиями.

– Я вас пока оставлю. Осмотритесь, подумайте. Если будут вопросы, обращайтесь, – выполнив миссию, Вика убрала дежурную улыбку и начала присматривать новую "добычу".

– Хорошо, Виктория. Большое спасибо. Мы обязательно обратимся, – приторно улыбаясь и в неприятном для меня смысле расшаркиваясь, Дима построил Вике физиономию супергероя. Пришлось стерпеть, чтобы не рассеивалось внимание.

– Дашуль, смотри, отличный диван. Прочный, устойчивый, и конструкция простая, не будет ломаться, – Дима переключился с продавщицы на интересы семьи. Он тыкал пальцами,

щупал руками и пару раз пнул в бок громоздкий пышнотелый диван, обитый темно-зеленым однотонным сукном.

– Ну уж нет. Это ретро-шлягер какой-то. А-ля Нонна Мордюкова на пенсии. Никакой пузатости и однотонности! Это пошло.

Дима сник, и пошел дальше, затаив что-то недоброе.

– Может тогда вот этот? – в вялой тональности произнес он.

– Дима, тебя так часто кусают ведьмы или ты специально меня заводешь? Он же будет давить на психику всю оставшуюся жизнь! Ты сам и недели не выдержишь наедине с оранжевым убожеством. И раскладывается он не вперед, а боком, значит в середине будет такая яма, что ты ночью в ней задохнешься! И жесткость, нажми на него, смотри, какой жесткий! Ну ты даешь вообще...

Эйфория уверенно трансформировалась в отчаяние и раздражение. Спутник жизни, единственное доверенное в интимном вопросе лицо, проявлял полный идиотизм в выборе центра нашей семейной вселенной. Меня контузило. Я ослепла и перестала видеть цвет, фактуру, форму... Сев на первый попавшийся диван, я закрыла лицо руками и попыталась абстрагироваться и не нервничать. Пришло ясное понимание момента – или мы купим диван сегодня, или мы не купим его никогда.

– Ладно, Дашуль, тогда ты сама тут посмотри пока, а я пойду курну. Ок? – дипломатично ретировался Димчик.

Ну и ладно. Может оно так и лучше. Никто не будет портить настроение. Отправилась я на охоту одна.

Через два часа обнаружилось, что в каждом претенденте на мою благосклонность есть существенные изъяны! Либо корпус был тяжеловат, либо дизайн простоват, а то вдруг ткань жестковата или в рисунке мало экспрессии. Значит, пора отвлечься. Переключиться, переварить визуальную информацию. И забрела я для этого в соседний отдел – спортивных тренажеров. Как здесь было спокойно, легко! Ничего не приходилось оценивать и щупать. Можно было просто наслаждаться и восхищаться, забыв о том, что сегодня главный день всей жизни. Здесь мы с мужем и столкнулись.

– О, ты тоже тут? – искренне удивился мой дражайший.

– Да, устала от диванов, сил нет уже. Решила развеяться. Ты в этом что-нибудь понимаешь? – просто так спросила я, без всякого умысла, махнув в сторону страшилища со штангой.

– Да это же новая линия! А вот еще дорожки с электронным тонометром, барометром, весами, спидометром и еще...

Дима вздохнул о достоинствах железных и пластиковых гигантов. Послушать его, так вся жизнь зависела только от них. И здоровье, и вес, и красота... Слушала я, признаюсь, впол уха. Сама все за диван переживала. Уже вечер, магазин через три часа закроется, а мы до сих пор не определили варианты. Но тут из уст Димы вылетела одна интересная фраза: «... Да, вот у Иришки Смирновой, помнишь, Шурика жены, такой же. На новый год купили. Так он даже любовницу бросил. Жена теперь его больше привлекает!»

Дима нехорошо гоготнул и осекся, почувствовав, что сболтнул не то. А меня контузило с новой силой. Вихрь обрывочных фраз, загадочных нестыковок в объяснениях, невыполненных обещаний из-за загруженности на работе вплелись в общий канат подозрения. Поворот жизни мог оказаться совсем не в ту сторону, в какую ожидала я! Почему Димка так равнодушен к выбору нашего дивана?! И поехал нехотя! И спорить не стал, ведь тот зеленый уродец ему понравился, я видела!

В общем, диван мы так и не купили. И кровать тоже. Но теперь посреди нашей гостиной красуется беговая дорожка последней модели. Прошел всего месяц, я сбросила страшно признаться сколько! В салончик начала захаживать. Новая фигура требует достойного ухода.

Димчик начал с работы приходить раньше. Говорит, новый начальник его больше ценит. А диван? Да и старый еще годится...

Васька

Казалось ли вам когда-нибудь, что время безнадежно упущено? И ничего не возможно исправить в том, что уже случилось.

Так произошло и с ним. С Василием. Буквально кусок колбасы в горло не лез. Ни при каких обстоятельствах не хотел бы Василий возвращаться в злополучный день, когда пришлось наступить себе на горло и изъять эти несчастные три тысячи рублей. Причем из бюджета своей же соседки с первого этажа Татьяны. Сколько раз Татьяна добровольно его подкармливала, гладила по голове, и даже называла милым, подкладывая в тарелку сметанки. Стыдно Василию. Невыносимо стыдно. Совесть загрызла.

И ведь еще понятно было бы, если три тысячи рублей чем-то помогли бы в трудной холостяцкой жизни. Можно еще простить воровство от голодной безысходности или патологической алчности. Но здесь-то как оправдаться? По глупейшей оплошности Василий превратил себя в уголовный элемент. По глупейшей!

Татьяна тогда пускать его не хотела. «Шел бы ты, Василий, к себе. Что ты все шастаешь?»

Говорила одно – думала другое. Глаза сверкают. Грудь вздымается. И из квартиры запах котлет так и сшибает. Как тут уйдешь? Просочился. Одинокие женщины страсть кормить любят. И жалеть. Ей же самой хотелось, чтоб зашел. Уж в этом вопросе Василий был специалист.

Посидели как обычно. Татьяна засобиралась куда-то.

– Тебе тоже пора, дорогой. Твои тебя хватятся, будут искать. Подозрений не оберешься. Проваливай давай, – нежно маникюрчиком почесала Василия по спине и в дверь.

Василий почти было ушел. Ногу над порогом занес. А тут сосед на лестнице. Черный, бородатый и жуть какой нервный. Чуть что – со всеми лается по-черному. Не любили они с Васькой друг друга. Нутром ненавидели. Пришлось дать задний ход и переждать.

Татьяна ушла. Каблуками по лестнице поцокала, дверь хлопнула. Все затихло. Сосед заподозрил что-то, пытался пронюхать, в чем дело, но не вышло.

Если бы не эта бородатая морда, может и не встал бы Василий на скользкую дорожку, не пришло б ему в голову в ящик на кухне носом своим любопытным залезать. Не преступление это, а чистое недоразумение. Василий заглянул в ящик – от скуки, без всякого умысла, в надежде всего-то валерьянки выпить – а там деньги: три одинаковые бумажки прямо на лекарствах лежат. И сквозняк из форточки поддувает. Бумажки дразнятся, шуршат, подергиваются. Одна даже подлетела и снова в ящик спикировала. Засмотрелся Васька на сей оригинальный этюд, увлекся: сбросил голубые листочки на пол, чтобы полюбоваться, как в полете станут кружиться. Заигрался и необратимо испортил материальное имущество. Растерзал на клочки!

Татьяна вернулась, обозначила инцидент шлепком по челюсти и навсегда закрыла перед Васькиным носом дверь. Поставила точку в трех годах почти совместной жизни. И даже не здоровалась больше.

Разочаровался Васька в бескорыстной любви. Обособился в своем внутреннем животном мире. Ведь ничего не возможно исправить в том, что уже случилось. Только и остается – скрести на чьей-то душе...

Шкаф

Утро. Просыпаюсь и вижу: диван, на нем постель, в постели муж. Спит. Уже десять, а он как обычно. Ну да ладно.

А меня в постели нет! Заснула лежа с мужем, а проснулась стоя. Странно.

И шкафа нет. Я как раз там, где он вчера еще был: у стенки, напротив дивана. Шкаф утащили! Ночью воры через лоджию залезли?! Говорила я – на первом этаже жить нельзя, а ему все не... Нет, стоп. Через окно шкаф не пройдет. Что-то не то. И дурно так после сна себя чувствую. Голова разламывается, позвоночник скрипит. Кофе что ль пойти выпить? Покрепче.

Пытаюсь идти. Стою. Как вкопанная. Да что такое?! Ноги застыли в неестественной позиции. Смотрю на ноги – исчезли! И тело все деревянное! Руки? Ааааа! Пытаюсь протянуть руку, кричу – со скрипом отворяется дверца. Я шкаф!

Догадка выбила почву из-под дна. То есть, ног. Которых нет. Теперь только угловатая полированная старая деревяшка. Вместо жены. Как Миша это переживет?! А сын?

Шкаф беззвучно воеет, стонет, отчаянно бесится, распространяя флюиды безысходности.

Звенит будильник. Муж продирает глаза. Потягивается в одинокой постели. Смотрит на шкаф и уныло говорит: «Доброе, доброе». Ищет наощупь потертые тапки и шлепает на кухню.

Он думает, что я пошла выносить мусор и у соседки Вальки застряла. Да, точно. Вон, сам яичницу жарит. И сковородку не помоеет даже. Ну да ладно.

Скоро все выяснится. Главное не паниковать.

Ужасно нудно и неудобно стоять на одном месте. Все болит от злости! Кто ж это меня так?

Людка! Сглазила. Я как чувствовала. Рассказала ей про новую машину, а она так и поперхнулась в трубке. Точно, Людка. У нее ж глаз черный. Она! Ну, змея.

Муж заходит в комнату. Открывает шкаф. Высматривает во мне что-то. Говорит: «Галь, а ты не знаешь, где моя рубашка серая? Ну, та новая?»

Он сам с собой у меня разговаривает? Ничего себе!

– Говорила ж, новая рубашка слева. Слеее-вааа.

Муж рыскает в шкафу: «А, точно. Нашел.»

Кто же теперь стирать все будет?! Готовить. А пыль? Кто с меня пыль сотрет?! Бездельники, только пользуетесь.

Закрываю глаза и начинаю считать уток. Меня так бабушка учила. Чтоб заснуть быстрее. Однаа утка, двеее утки, триии ут... Стоп. Нет. Спать нельзя. Надо что-то делать.

Верещит мобильный мужа. Я уж по привычке хочу ему отнести телефон, но вспоминаю, что не могу. Как обидно, как горько быть ненужной. Хотя почему? Я очень нужная. Нужный в хозяйстве предмет. Может, я сдвинулась? Может это бред и галлюцинации? Или кома?

Муж что-то бормочет в коридоре. Кто это, интересно, ему звонит? Похоже, Юрка. Друг детства. Что-то насчет дачи.

– Галь! – муж просунул голову в комнату, оставаясь большей частью в коридоре, – Мы на дачу к Юрику с Маринкой хотим поехать в эту субботу, а?

– Как я поеду? На грузовике?

У меня начинается депрессия. Я разговариваю сама с собой, меня никто не слышит и не воспринимает как личность! Никто не ценит монотонность моей обыденности в разрезе заботы о близких. Домохозяйки – это обслуга, персонал для влажной уборки. А в душе? Что у меня в душе, кого-то интересует?! Сына давно интересуют только компьютер и девочки, мужа – работа и рыбалка. А я?!

Муж кивает и ныряет обратно в коридор, бубнит Юрке, что он еще в пятницу отзвонится.

– Галь, ну я пошел.

Входная дверь хлопнула. Щелкнул гулко замок.

Стоп. А зачем он это сказал?! Меня же нет. Или он все знает?

Тишина. Даже телевизор не посмотреть! Кошмар. Это тонкое изощренное издевательство с нанесением особо тяжких увечий. Знать бы, кто этот маньяк? Как раз сериал начинается.

Мобильник играет. Мой. Кто это, интересно? Людка. Я ей вчера недорассказала про Маринку.

Однааа утка, двеее утки, триии...

Открываю глаза. Уже вечер. Или ночь? Окон в соседнем доме мало горит. Значит ночь. Я так долго спала? Ничего себе. Недосып накопился. Слышу ключ в замке крутится. «Клац, клац».

Явился. Откуда, любопытно узнать? От негодования пытаюсь постучать пустой вешалкой от рубашки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.